

Пальмы, солнце, алый снег

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Пальмы, солнце, алый снег

Анна и Сергей Литвиновы

Алена приехала в дорогой подмосковный отель и в первый же вечер случайно услышала, как руководитель психологического тренинга говорит в телефонную трубку: «Они, все пятеро, покойники!» Интересно, кого он имел в виду?.. Алена выкинула странный разговор из головы, однако мрачный прогноз очень быстро начинает сбываться: успешный менеджер Антон Нечаев покончил с собой, а исполнительный директор компьютерной фирмы Александра Клевенская погибает от передозировки наркотиков. Так-то им помог психолог! Алена решает сблизиться с оставшимися в живых участниками тренинга, присмотреться к его руководителю... Она пока не понимает, насколько опасно ее расследование, ведь убийца, скорее всего, живет здесь, в отеле, они обедают в одном ресторане и плавают в одном бассейне...

Анна и Сергей Литвиновы

Пальмы, солнце, алый снег

Нашей маме с любовью и благодарностью

Пролог

У ненависти свой запах. Противный, кислый. Так пахнут капустные щи, если смешать их со вчерашним компотом. Или полы – старые, деревянные, с мозаикой грибка по плиткам. И пусть сейчас ты на коне, тебя боятся, уважают и обсуждают, но от прошлого никуда не деться. Оно навсегда останется с тобой. Твоя прежняя, несчастливая и бестолковая жизнь... И никакие дезодоранты, духи и прочие ароматизаторы не способны вытравить ее запах. Запах поражения. Только хуже получается, когда в вонь нищеты вдруг вплетается аромат какого-нибудь пижонского «Хьюго Босс».

Это как клеймо. Сколько ни зарабатывай, ни пробирайся наверх, в высшее общество, кислый запах, пропитавший всю твою жизнь, навсегда остается с тобой. Он прячется, маскируется, но в самые неожиданные и счастливые моменты обязательно вырывается наружу. Обволакивает, туманит, пропитывает мозг. Остается одно: выполнить то, о чем думалось долгие годы. И надеяться, что этот кошмар, эта вонь наконец рассеется, как дым.

Глава 1

Алена, молодой специалист, 211-й день беременности

Никогда не забуду тот жаркий июльский вторник.

Закрывать глаза на проблему стало уже невозможно, и я, отпросившись с работы, отправилась к врачу.

Приговор пожилая докторица вынесла мгновенно: «Вы, милочка, беременны. – И уныло поинтересовалась: – Будете прерывать?»

Я честно задумалась. С одной стороны, мне беременность категорически не нужна. Карьера на пике, на Новый год мы собирались поехать кататься на горных лыжах, да и с мужем в последние месяцы отношения довольно натянутые. Но с другой... Я по церквям, конечно, не хожу – но бог ребеночка-то зачем-то послал. И у него – задержка у меня уже большая – наверняка и ручки с ножонками определились, и пальчики выросли.

Я тяжело вздохнула и выпалила:

- Нет. Прерывать не стану. Пусть остается.

- Что ж... Тогда запаситесь терпением, – сочувствующе произнесла врачиха.

Беременность действительно оказалась ужасной тягомотиной. То тошнит, то голова кружится, то на весь свет без всякой причины злишься...

Но месяц шел за месяцем, и к январю мы с малышом – я его называла Пузожителем – друг к другу уже приспособились. Я его гладила, разговаривала с ним и даже – в шутку, конечно! – советовалась по производственным и личным вопросам. А по жизни старалась следовать правилу: беременность – это ерунда, это не болезнь, это очень естественно. И хотела оставаться на баррикадах – то бишь на работе – до последнего дня. А что, в этом даже есть своя романтика, милая сердцу любой бизнес-леди: встретить первые схватки прямо в офисе. И отправиться в роддом не на пошлой «Скорой» и не в мужниной «девятке», но выпросить у шефины под такое-то дело представительский «мерс».

Но, как и положено офисному работнику, я знала: документы должны быть в порядке. И потому в тридцать недель беременности отправилась в женскую консультацию за декретным отпуском.

- Поздравляю. Ваш отпуск начался с сегодняшнего дня, – улыбнулась врачиха, выписывая голубой листочек больничного. И поинтересовалась: – Куда-нибудь поедете? Или дома собираетесь отдыхать?

- Вообще не собираюсь, – отрезала я и припечатала: – Не то сейчас время, чтобы на больничных отсиживаться. Без достаточных к тому оснований.

Докторша, конечно, взялась меня убеждать, что поздние сроки беременности – основание более чем серьезное, но я в ответ только ухмылялась и сразу из женской консультации отправилась на работу. И прямо на пороге офиса нарвалась. Столкнулась нос к носу с шефиной секретаршей Машкой и услышала сочувственное:

- Ой, Аленка, какой у тебя вид сегодня несчастный!

– А у тебя опять колготки поехали, – отбрила ее я.

Машка, расстроенная, нагнулась искать «стрелку», а я тут же двинула в туалет, к зеркалу. Смотреть, что там у меня за вид. Ну, и ничего страшного. Не Джулия, конечно, Робертс – та и во время беременности умудрялась выглядеть отчаянной красоткой, – но жить можно. Лицо, правда, стало круглым, как каравай. И глаза оттенены синевой. И губы подсохли – оттого, что все время пить хочется, а врачи больше литра в день запрещают. Но в целом ничего во мне не изменилось. Все тот же еще не старый, но уже высококлассный специалист. Личный пиар-менеджер нашей генеральной директрисы – не самая, между прочим, последняя фигура в компании. Ее, компании, почти что лицо – только огромное пузо «бизнес-картинку» портит.

...Пузожитель смотрелся в зеркало вместе со мной. И в животе так плясал, что у меня аж зубы клацали. Пришлось его погладить по тому месту, где, как я полагала, находилась спинка, и сказать:

– Ну все, малыш, не скачи. Уже идем. У нас с тобой сегодня особенно много дел.

Я всегда думала, что ребеночку вместе со мной работать нравится. Но сегодня вдруг мелькнула очень для меня непривычная мысль: «А хорошо ли моему малышу на работе? Не повредит ли ему, что я весь день за компьютером? На быстросупах – или, если повезет, выбираюсь на бизнес-ланч в ближайший грузинский кабак!.. Постоянно нервничаю, согласовываю, бегаю!.. Может, не зря супруг пугает, что ребеночек мне еще отомстит и будет в отместку за такую несознательную беременность всеми ночами орать как резаный?»

«Сегодня, как с работы вернусь, весь вечер буду лежать, – пообещала я малышу. – И яблочное пюре себе, то есть тебе, сделаю. И даже протертый суп. Хочешь?»

Малыш снова торкнулся – как мне показалось, недовольно и недоверчиво: какие, мол, протертые супы? Сплошное вранье, все равно весь вечер будешь за бумагами сидеть...

А я прямо из туалета направилась к начальнице – нашей генеральной директорше. Сообщила, что с сегодняшнего дня я официально в декретном, но только в наших с ней отношениях это ничего не меняет.

- Вы по-прежнему можете на меня рассчитывать, Анастасия Сергеевна. По крайней мере, до тридцать восьмой недели.

- И в Нижневартовск с нами полетишь? - ухмыльнулась шефиня.

В Нижневартовске через три недели намечалась презентация новой линии нашей кухонной мебели.

- Конечно, полечу, - пожала плечами я.

Интересное кино: я на подготовку этой презентации столько сил угрохала, а мне теперь предлагают в Москве остаться? Чтобы все лавры моим двум замшам достались?!

- А выглядишь ты неважнецки, - вдруг сменила тему начальница.

Я не выдержала и, плевать на субординацию, взорвалась:

- Да что вы все специально гадости говорите? Нормально я выгляжу и чувствую себя прекрасно!

- Придумали уже, как назвать? - огорошила меня еще одним неожиданным вопросом шефиня.

- Анастасом, в вашу честь, - буркнула я под нос.

- Что-что? - настороженно переспросила она.

- Нет, - говорю, - еще не придумали. Муж хочет Васькой, а у меня Васька - в школе сосед по парте был. Дебил из дебилов.

- Хорошее имя Богдан, данный богом, - задумчиво протянула шефиня.

Нет, только не это! Как ни дорожу я своей работой, но Богданом своего ребенка не назову!

– Да, имя неплохое, – задумчиво сказала я вслух, еле удерживаясь, чтобы не поморщиться.

– Впрочем, у тебя еще будет время подумать, – оборвала меня Анастасия Сергеевна. – В «Тропиках». – И шваркнула о стол какой-то пестрой бумажкой.

– Где-где? – опешила я.

– Ты едешь в дом отдыха. На неделю, в Подмосковье, за счет нашей фирмы. Это тебе подарок – за безупречную работу и в честь начала декретного отпуска.

– Но как же... ведь у меня... – врать не буду: я растерялась. Неожиданные премии, оказывается, могут озадачить куда больше, чем нагоняи.

– За завтрашний день, будь добра, передай девочкам все дела. А уезжаешь ты послезавтра.

– Но я ненавижу дома отдыха! – наконец обрела я дар речи. – Там же тоска смертная!

– А тебе сейчас полезно потосковать, – пригвоздила директриса. И задушевно, совсем не по-начальничьи, а по-женски, добавила: – На тебе ведь лица нет, так вымоталась! Еще не хватало, чтобы ты преждевременно, по моей вине, родила. Никогда себе этого не прощу.

– Неужели вам меня не жаль?! – не сдавалась я. – В домах отдыха – одни бабки! И матери-одиночки. И тухлые щи в столовой.

– Только не в «Тропиках», – усмехнулась Анастасия Сергеевна. – Это не совсем дом отдыха, а скорее загородный клубный отель. Шикарный, очень модный, очень стильный. Старухи туда не ездят.

– И все равно: гулять по дорожкам – это не для меня!

– Для тебя, для тебя, – отмахнулась начальница. – В твоем положении в самый раз. Да и вообще, отставить разговорчики. Я тебе приказываю ехать отдыхать. Вот и езжай. И чтобы вернулась посвежевшая, расслабленная и счастливая.

Ясно?

– Ясно, – признала поражение я.

В конце концов, может, в этих «Тропиках» будет не так уж и плохо.

Ярослава, хозяйка косметических салонов

Отель выглядел роскошно.

Элегантные корпуса в обрамлении зимнего леса. Улыбчивые менеджеры. Номера с каминами и коврами. Манящая – особенно в морозные деньки! – гладь бассейна. И, как гордо сказали на рецепции, уникальный СПА-комплекс. С толстенным «меню» – от его содержимого у любой девчонки потекут слюнки: массажи, уходы, обертывания, альфа-капсула...

Ярослава, стоя у окна своего номера, видела: дамочки, кто заселялся в отель вместе с ней, двинули в сторону СПА-комплекса практически мгновенно. Даже, кажется, чемоданы не успели распаковать.

«И это еще одно доказательство того, что я свой бизнес построила верно», – подумала она.

Ярослава владела сетью косметических салонов. Создала их с нуля. Сколько нервов ушло на это, сколько сил, сколько крови... Да что там, вся жизнь в угоду блестящей карьере положена. По паспорту ей тридцать два, а чувствуешь себя полной старухой. Не внешне, конечно, но по состоянию души.

И вот сейчас она приехала отдохнуть. Ближайшая неделька должна выдаться очень занятой. И развлечения ей обеспечит отнюдь не местный СПА-комплекс. Ярослава туда даже заглядывать не собиралась. Зачем? Это только слова, что она на отдыхе, а все равно придется работать. Ведь ей ни на каком массаже-размассаже расслабиться все равно не удастся. Куда ни пойдешь, хоть на «божественную стоун-терапию» или даже на «фулл-боди-тайский аромаход», – она все равно не удержится от того, чтобы не запоминать, не анализировать, не раздражаться. Из-за того, например, что с ее телом работают слишком резко. Или, наоборот, излишне поверхностно. Или – и это хуже всего! – у девчонки-

массажистки вдруг окажутся настолько золотые руки, что придется (опять же забыв об отдыхе!) тут же начать ее переманивать в собственные салоны...

Так что увольте, этим вечером Ярослава устроит себе независимое СПА. Перед тем, что ей предстоит, надо набраться сил. Сначала – одинокая прогулка по территории. Колкий морозный воздух, нежно-голубые в холодном свете фонарей искры снежинок – и завистливые взгляды прочих отдыхающих дам. (А как тем еще реагировать на россыпь светлых, заметьте, натуральных волос поверх серебристой норки?!) А потом, после порции бодрящего мороза, вернуться в номер – и тут же броситься в горячую ванну, сдобренную изрядной порцией ароматического масла. На такие контрасты – снег и пар, уличная зимняя темень и расслабляющее тепло ванны – тело тут же откликнется приятным покалыванием, а лицо украсится беззаботным, почти школьным румянцем.

Ну а после горячей ванны остается лишь побаловать кожу питательным бальзамом (их Ярослава привезла с собой числом шесть, каждый – для разных частей тела) и как заклинание повторить перед зеркалом: «Я красивая. Успешная. Уверенная в себе. И у меня нет никаких проблем». И пусть в этой фразе далеко не все правда – повторять ее все равно приятно.

А потом можно с чистой совестью отключить телефоны и упасть в постель. И наплевать на то, что сегодня вечером в ресторане какое-то «Снежное шоу». И на Андрея Степановича – как он уговаривал ее на «романтическую прогулку по зимнему лесу»! – тоже наплевать.

«Почему я настолько люблю одиночество? Почему так боготворю его, берегу, лелею?.. И в то же время борюсь с ним? Заставляю себя общаться, знакомиться, нравиться? Прав, видно, психолог: все мои проблемы идут из детства...»

Ярославе вспомнилось: она еще совсем кроха, года, наверное, два – и уже тогда ей хотелось говорить не «мама», не «папа» (тем более что папы и не было), но – «молчи!», «молчи!».

Помнится, мама очень сердилась и кричала: «Ну кто тебя научил этому слову?!»

Да никто не учил. Сама освоила. Шутка ли, в крошечной «однушке» ютятся шесть человек: два брата, сестрица, мама да еще приبلудная, сбежавшая из Казахстана тетка. Братья бесконечно сигналият – изображают машинки; сестрица

вечно ноет, у нее от рождения желудок больной и постоянные колики; тетка, не умолкая, бормочет молитвы, перемежая их проклятиями незадавшейся судьбине, а мама тщетно пытается приструнить всех. И сбежать из дома можно только в детский сад или в школу, тоже в кагал,[1 - Кагал (по Далю) – собрание еврейских мирящих старейшин. В просторечии – шумная крикливая толпа.] потому что прогулки, тем более одинокие, в их поселке детям не позволялись. Слишком неудачное окружение, слишком много опасных соседей – и воинская часть, и колония, и психушка, все поблизости. И все живут, будто так и надо. Будто это нормально, когда кругом сплошь тусклые, пропитые лица да бесконечный мат разносится из окошек битых, ржавых машин. Будто и нет где-то, совсем рядом, другого мира – с чистыми улицами, приветливыми людьми, размеренной, благостной жизнью...

Ярослава еще в раннем детстве решила: в поселке она не останется. Но в мечтах своих до поры никому не признавалась. Секретила планы до того дня, как школу закончила. И, помнится, очень удивила одноклассниц тем, что не осталась даже на выпускной бал: «Ты что, дурная?! Ведь танцы ж будут!» Но Ярославе на местные танцы было плевать. Тем более что и платья выпускного ей не пошили – мама сказала, что в стране непонятно что начало твориться и в такой ситуации швырять деньги на разную блажь она не собирается.

Так что, едва получив аттестат, Ярослава тут же бросилась в новый кагал. Сначала – в духоту плацкартного вагона. А через двое суток тряской дороги уже вступала в столичную круговерть и гам.

«А почему ты поехала именно в Москву? – как-то спросил ее психолог. – Почему, скажем, не в Сочи, не в Питер? Тоже хорошие города, пусть не такие большие, зато карьеру в них сделать легче...»

Тогда Ярослава, помнится, отделалась избитыми фразами: мол, за лучшей долей положено ехать именно в столицу, город больших возможностей, вот она и поехала... Но психолог – нет бы безропотно схавать ее ответ – взялся копать до сути. И докопался. Сказал, что она, Ярослава, уже отравлена вечной толпой. Шумом. Скученностью. И хотя все это ненавидит, но все равно в этот бардак и стремится. И пытается создать свой собственный, одинокий мир, но под шумной, колготной оболочкой.

Может, психолог прав. Может, ей и правда лучше в толпе. По крайней мере тогда, когда поезд прибыл на Казанский вокзал, Ярослава совсем не

растерялась, хотя прежде подобные людские муравейники видела только по телевизору. Она решительно отогнала навязчивых носильщиков. Уверенно отшла парочку джигитов, которые тут же, прямо на перроне, начали виться с «шашлыком да любовью». А вот обступивших ее бабулек – каждая с картонкой, извещавшей о том, что сдаются комнаты, – Ярослава выслушала внимательно. Ужаснулась ценам – тех денег, что в столице просили за «угол», в их поселке хватило бы на аренду добротной «трехи»... Но одно из предложений, исходившее от наиболее чистенькой и тихоголосой старушки, девушка приняла.

Нельзя сказать, что бабушка просила дешево, наоборот. Девушка быстро подсчитала, что ее сбережений едва ли хватит на месяц аренды. Зато жить ей предстоит не в «углу», а в целой комнате с какой-то хитрой штукой под названием «эркер». И расположена эта комната не в ужасном месте под названием Силикатный проезд, а на улице с красивым именем Старая Басманная...

Ну а через месяц она уже немного освоит Москву. И конечно же, найдет деньги, чтобы продлить договор аренды. А то и еще куда переедет. В более удачное место. Чтобы как в том стихе: «А из нашего окна площадь Красная видна».

– Все. Я решила, – объявила Ярослава старушкам-квартиросдатчицам. – Я хочу жить на Старой Басманной.

И тут же нарвалась: одна из старух, наиболее противная, с красным носом, пригвоздила:

– Ну, ехай, ехай. На Старой Басманной она жить собралась, лимита! Не по тебе райончик!

– Через месяц все равно сюда вернешься. На вокзал, – закивала другая бабка.

– Под вагонами мужиков охаживать, – радостно подхватила третья. – Спрос будет. Вон, – кивок на посланных Ярославой джигитов, – как Аслан с Арсеном на тебя пялятся.

На глазах тут же выступили слезы. И от усталости – все-таки две ночи в поезде почти без сна, – и от обидных слов, и от страха: а вдруг бабки правы? Вдруг покорить Москву не удастся – за месяц-то, с полпинка? Ведь она еще даже не

знает, как ей здесь выживать. В чистенькие ряды абитуриентов, что через месяц начнут штурмовать столичные вузы, ей ходу нет; если уж даже в их голимом поселке в аттестат напихали целых пять троек, тут ловить точно нечего. Идти на завод, по лимиту – как девочки из любимого фильма «Москва слезам не верит»? Но остались ли в столице заводы? В поселке-то болтали, что их один за другим закрывают, а территории отдают под вещевые рынки. Вот и получается, что выбор невелик: или самой идти на рынок торговать, под начало какого-нибудь Арсена, или в девицы по вызову, а оттуда, права злобная вокзальная бабка, и до перепихона за гроши на вокзале недалеко...

Да еще и чистенькая старушка – они с Ярославой уже идут по бесконечно длинному подземному переходу – подливает масла в огонь:

– Ты, деточка, такая молоденькая, такая свеженькая, и покровителей у тебя в Москве нету, ведь так? Ох, много вас тут таких глупых, пропадешь, сгоришь, возвращалась бы лучше домой...

– Да с чего бы мне пропадать? – поморщилась Ярослава. И перечислила: – Голова на плечах есть. Силы. Здоровье. Внешность, опять же...

Она уже успела заметить: пусть тут, в Москве, народ и носится, как подорванный, раза в три быстрее, чем в их поселке, а проходящие мужики на нее все равно поглядывать успевают. Почти все.

– А такие, моя милая, бойкие да красивые, первым делом здесь и пропадают. – Бабушка метнула в нее пронизательный взгляд.

...И сейчас, раскинувшись на безразмерной тахте в гостиной своего сто долларового за сутки номера, под шум зимнего леса за окном и нежное бормотание плазменного телика, Ярослава опять вспомнила давно уже умершую чистенькую старушку, бабу Валю. Ее самую первую в столице квартирную хозяйку.

Бабка Валька хоть и сволочь, как большинство москвичей (Ярославна, как многие приезжие, не любила коренных жителей столицы), а оказалась мудрой. И ее пророчества почти оправдались. Ярослава в столице и правда едва не пропала. А уж на грани гибели бывала столько раз, что и пальцев на руках счесть не хватит.

«Но судят-то по итогам. – Она набросила на плечи махровый халат с эмблемой отеля. Встала с тахты, выбрала в мини-баре бутылочку «Риоха Кюнэ» урожая 1998 года. – А итог у меня такой: своя сеть косметических салонов. Живу, как знаю. Делаю, что хочу. И можно даже не сдерживаться от самодовольной улыбки».

Она и не стала сдерживаться: улыбнулась. Нагло, надменно, как никогда не позволяла себе ни с клиентами, ни тем более с партнерами по бизнесу.

Жизнь удалась?

А в голове тут же непрошено мелькнуло: «Но только... как же мой...»

И не успела даже додумать – из глаз хлынули слезы.

Ничего ее жизнь не удалась. Она – предательница. Тварь. Худшая из всех живущих на планете женщин. И даже до сих пор не смогла за себя отомстить.

Александра, кандидат наук и лауреат многочисленных конкурсов

Александра ликовала. Искренне, от души, забыв и про имидж, и про статус. Вела себя, будто неразумная первокурсница, счастливо «спихнувшая» сложный зачет, – глаза горят, походка вприпрыжку, глупая улыбка, видел бы сейчас ее кто-нибудь с кафедры.

Развлекаться она начала с обеда, едва заехав в отель. Сначала массаж – да не обычный, а горячими камнями. Потом – баня, не простая, не кучно, в толпе, в какую они однажды с коллегами по университету ходили, а отдельная, с улыбочивой горничной, подносявшей чай. Два часа полного расслабона, только и осталось сил добрести до своего роскошного номера и рухнуть на огромную и мягкую тахту (заметьте, в обнимку с бездумным женским журнальчиком!).

И еще одна совсем непривычная для нее выпендренность: заказала в службе room service грейпфрутовый фреш, то бишь свежавыжатый сок. Ну а дальше и время ужина подошло – в уютном, сплошь в плетеной мебели, ресторане. Саша шла туда немного настороженно, но отбивные оказались выше всяких похвал,

салаты – лучше, чем мамины, собеседники – необременительны и улыбки, никакого сравнения с коллегами, что по кафедре, что по работе. Такое, оказывается, счастье, когда можешь вести себя не так, как надо, а так, как хочется, и никто тебя не осудит! Поэтому за ужином Саша позволила себе два бокала вина и – немыслимое дело – аж сто граммов водки. А потом аниматоры затащили ее в бар (уже непривычно, обычно-то, бывая в поездках, она на штатных «развлекальщиках» так сурово взглядывала, что те едва в соляные столбы не обращались), и там Александра азартно исполнила под караоке «Удалого Хасбулата». И «закусила» еще одной рюмкой водки. Ай да Сашка, ай да кандидат наук и без пяти минут доцент!

«Это просто преступно – в первый же вечер так бессовестно идти вразнос!» – изредка вспыхивала где-то на периферии сознания покаянная мысль. Но, с другой стороны, в ее жизни всегда было так мало радостей... Сплошь – терпение и труд, бесконечные пыльные талмуды, ряды формул, ворохи брошюр. А сейчас, когда к научной работе прибавился бизнес, – еще и постоянные разъезды, переговоры, нервы.

И тут вдруг – такая пауза. Спокойный и стильный загородный отель. Приятные постояльцы. Вышколенная обслуга. Плюс перспектива – впереди тренинг, целых пять дней утренних занятий (интересных, не то что заседания кафедры из-под палки), а после обеда – и бассейн, и целый набор СПА-радостей, и снегоходы, и Антон, один из участников семинара, поглядывает на нее с нескрываемым интересом.

Вот Саша и сорвалась – мозги-то не железные, тоже иногда отдыха требуют. Устала она впервые за двадцать семь лет своей жизни быть безответной и сладенькой, будто глазурный пряник.

«С такой девочкой проблем быть не может».

Эта фраза преследовала ее с самого детства. Угораздило же родиться с настолько несовременным характером! В то время как подружки по садику дрались с мальчишками и делали друг другу «мэйк ап» похищенными у мам губными помадами, она в мирном одиночестве лепила из песка куличики (и при этом умудрялась не испачкать одежду!).

Ее никогда не тянуло пробежаться по лужам – грязно ведь и мокро. Саша не лазила по деревьям, не играла со спичками – и опасно, и совсем неинтересно. Даже с другими девчонками она никогда не ссорилась – просто потому, что почти ни с кем не дружила. Но отсутствие подруг ее никогда особо не угнетало – в обществе соратниц по играм Александра не нуждалась. Ей с самого детства куда больше нравилось созерцать, чем играть. Подолгу наблюдать, как закатывается, меркнет солнце. Следить за неспешным ходом забавной зеленой гусеницы. Собрать гербарий. Вести школьные «дневники наблюдений».

«Нашей Сашке о профессии думать не надо, – смеялись родители. – Сразу видно: ученой будет!»

Саша еще не знала, кем она станет, когда подрастет, но с родителями не спорила, соглашалась, кивала. Ученой так ученой, только отстаньте, не тормозите.

Впрочем, предки особо ее и не тормозили, они оба дочкиному спокойному характеру только радовались. Кто из родителей, особенно из тех, кто работает, не порадует, что ребенка не видно и не слышно? Но при этом девочка проводит время не в сомнительных компаниях, а в своей комнате, тихо-мирно сидит над учебниками или книжками. Или просто смотрит в окно – Саша, единственная из всей семьи, радовалась, что квартира выходит не в тихий двор, а на улицу, и там – и трамваи, и оживление, и огоньки, можно сутками глаз не отводить. Если еще музыку тихонько включить да подстелить на подоконник шкуру из фальшивого медведя – будет полное счастье. Если бы только брат не мешал...

Брат, двумя годами старше Саши, с самого раннего детства раздражал ее безмерно, хотя вроде и считалось, что раздражаться она не способна. Но для Артема приходилось сделать исключение. Потому что изводил он сестру просто адски. Постоянно подначивал. Шпынял. И если доводил до слез, то так, что ей обычного носового платка не хватало, приходилось папин, большой клетчатый, брать.

Тему (сам-то раз в двадцать шептнее, чем сестренка) крайне бесила Сашина беспроблемность. «Ты – не человек! Ты – мумия!» – чуть не самый лестный из его комплиментов. Но ладно бы только слова, но он ведь и по-другому вредил. Рвал в клочья ее гербарии. Палил на зажигалке рисунки. Ляпал в аккуратные тетрадки огромные, безобразные кляксы. И постоянно подначивал: «А ты маме

пожалуйста! Папе настучи! Попроси его, чтобы он меня ремнем отодрал!» И когда Саша этого не делала, бесился еще больше.

«Ты что, совсем святая? Даже ябедничать не умеешь?! А если я тебя сейчас башкой об стенку – тоже промолчишь?!» – орал Артем. Но Саша только глотала слезы и кивала. Конечно, она промолчит. Даже если брат и правда швырнет ее головой о стену, она все равно скажет маме, что упала сама. Случайно. Потому что неловкая.

Она, несмотря ни на что, любила брата. И еще знала, что его нельзя обижать. Потому что Артему от жизни и так досталось, даже непонятно, как он выдерживает.

Артем родился с врожденным вывихом бедра. Вроде бы не болезнь, а почти косметический дефект, всего-то и нужно – сделать несложную операцию, а потом полтора месяца походить в гипсе. Но мальчику (или его родителям) не повезло. Именитый профессор, к которому долго пробивались и кому уже приготовили внушительный долларовый конверт, за день до операции свалился с гриппом. И родители почему-то решили не ждать, пока тот поправится, а доверить операцию его ассистенту. А у того дело не задалось, и Артем, как ни старались потом, сколько ни таскали его по больницам, так и продолжал подволакивать ногу.

И очень от этого страдал. Говорил в редкие минуты перемирия сестре: «Понимаешь, Сашка, я бы на эту ногу вообще бы забил, если б меня, скажем, шахматы интересовали. Или музыка. Или, как тебя, гербарии собирать. Но мне-то это все, понимаешь, по барабану! Я на улицу хочу. Футбол, хоккей, да хоть пионербол сраный!..»

– Так иди. Играй, – советовала Саша. – Ты ведь не инвалид, и ходишь, и бегаешь, подумаешь – нога вихляется, кого это волнует?

– Нет. Не могу, – вздыхал Артем.

– Потому что дразнят?

– Да плевал я на тех, кто дразнит! – щетинился он.

– А что тогда? – не отставала сестра.

– А то! – кричал брат. – Не хочу быть хуже других. Не хочу, понимаешь?! Не хочу слышать, как меня, хроменького, жалеют, если я вдруг мяч пропущу!

Но Саша его не понимала. Потому что сама хоть и полностью здоровая, а на школьной физкультуре всегда в хвосте плелась. И ничуть от этого не страдала. Подумаешь, большая беда – бежать чуть медленней остальных и пасовать перед лазаньем по канату. Ну и пусть одноклассники дразнят «улиткой» – на физре улитка, а вот я на вас на математике посмотрю. Когда сложную домашку надо списать будет – сразу в «Сашеньку» обратишься...

Правда, сама она и в математике особым гением не была – сложные задачи за нее решал Артем. Решал с такой легкостью, что Саше иногда казалось: это он не сам формулами сыплет, а какой-то особый, математический бог шепчет ему в ушко правильные ответы... И такими способностями не пользоваться?!

– Почему ты как математик не хочешь прославиться?! – укоряла Саша брата. – Ты же в этих формулах – настоящий гений! Вот пусть все про то и узнают! На любой олимпиаде Гран-при возьмешь! Да ты хоть на районную поезжай!

Но только все ее увещевания оказывались тщетны – на математические олимпиады Артем не ездил, как ни упрашивали учителя. И продолжал тщетно мечтать об олимпиадах спортивных... И злиться – на родителей, на весь свет и почему-то особенно на безответную сестру – из-за того, что дорога в большой спорт ему накрепко закрыта.

Саша как-то подслушала разговор между родителями. Мама вздыхала:

– Тяжело Темочке будет. С его ножкой. А еще пуще – с таким-то характером...

А отец возражал:

– А, брось. Не тяжелее, чем Сашке с ее-то пассивностью. Перебесится наш Тема. Повзрослеет. Привыкнет.

И поначалу оправдался именно отцовский прогноз.

Когда пришло время думать об институте, Тема быстро отставил все свои закидоны («плевал я на школу!.. Да я домашку принципиально не делаю!..»), засел за учебники и без всяких репетиторов с блеском поступил в престижный МИФИ.

Ну а Саша, когда настало ее абитуриентское время, несмотря на весь свой спокойный характер и «научный» склад, еле-еле, с полупроходным баллом, проползла в скромный электротехнический институт.

И в институтах тоже: Артем приносил свою повышенную стипендию играючи, а Саша – днями корпела над учебниками. И слушала бесконечные братовы подковырки: «Да уж, красавица. Интегралы разбирать – это тебе не в окно сутками пялиться. И не за гусеницами во дворе наблюдать».

Слушать его было обидно. Но Саша, как привыкла еще в детстве, старалась не обижаться. Тем более что в чем-то Артем был прав: это у него мозг – как молния, схватывает все мигом. А у нее голова, по словам того же брата, «созерцательно-тормознутая». То есть только наблюдать и умеет, но толку-то от этих наблюдений... За них стипендию не дают.

– Тебе, мумия, с твоей башкой – только вахтершей работать, – изводил ее Артем, – а не в инженеры мылиться. Да из-за таких, как ты, техногенные катастрофы и происходят! Типа аварии на Чернобыле.

Саша, как обычно, не спорила. Только про себя думала, что вообще-то Чернобыль погубила отнюдь не мумия. А не в меру амбициозный, вроде того же Темы, инженер, взявшийся, на свой страх и риск, проводить какой-то смелый и не согласованный с начальством эксперимент с ядерным реактором...

«...И, в итоге, жизнь показала, что права была все-таки я, – думала она сейчас, под алкоголь, под расслабон, под негромкую ресторанный музыку. – Артем, милый брат, такой талантливый, несчастный и злой, где ты сейчас?.. Чем знаменит?.. Зато я хоть и мумия, а работаю отнюдь не вахтершей... И это я, а не ты провожу время в роскошном отеле и без боязни заказываю себе любые по цене блюда и самые дорогие косметические процедуры. А ты, вместе со всеми своими талантами, никому не известен, нищ и не нужен...»

Саша знала: злорадствовать – грешно. Это не по-христиански. И нужно немедленно остановиться и, пусть просто в мыслях, попросить у Артема прощения.

Но остановиться она не могла.

Заказала себе «Мохито» – ох, что же будет, когда коктейль наложится на вино и на водку! – и еще раз подумала: «До чего же приятно, когда любой ценой, но ты все-таки побеждаешь!»

Алена, молодой специалист, 213-й день

В отель «Тропики» – 48-й километр по Пятницкому шоссе – я поехала сама. В смысле, что сама за рулем. Не очень, конечно, удобно: за руль нашего «жигуля» я месяца с шестого втискиваюсь с трудом, но не тащиться же с вещами на электричке! А просить у начальницы в придачу к недешевой путевке еще и служебный автомобиль мне показалось некорректным. К тому же Венька, наш водитель и тот еще критикан, обязательно бы обсмеял мой загородный наряд – безразмерный пуховик, сапоги «прощай, молодость», а также шапку со смешными висячими ушками, в офис-то я, хотя и тяжело уже стало, до сих пор являлась при параде и на каблуках.

Так что уж лучше самой.

За окном трещал морозом ясный денек, по радио пиликали Моцарта (ребеночку, даже еще не рожденному, говорят, положено слушать классику), на заднем сиденье уютно булькали баллоны с питьевой водой – такая вот беременная прихоть: из-под крана не пить, вдруг инфекция, или хлор на Пузожителя плохо повлияет?

Въезд в отель (раз уж назвали «Тропики») украшали три искусственные пальмы – красная, зеленая и голубая. Подле деревьев располагался термометр – он демонстрировал минус четырнадцать. Рядом топтался облаченный в меховые штаны охранник. Мои «Жигули» удостоились презрительного взгляда, а я сама – чуть более приветливого: «Рецепция – вон там, за забором».

С первого взгляда отель впечатлял. Не зря же в путевке написали: «Концептуально новый». Оштукатуренные в яркие цвета корпуса, идеально вычищенные дорожки, и даже из открытого окна столовой вырываются не традиционные ароматы пригоревшей капусты, а вполне ресторанные, манящие запахи. В домике рецепции и вовсе красота, фонтан, опять, уже живые, пальмы и даже попугай в золоченой клетке. И юноша за стойкой выше всяких похвал – улыбочивый, стройный, доброжелательный: «Въезд автотранспорта на территорию запрещен... но для вас, в вашем положении, мы, конечно, сделаем исключение!»

В голове даже мелькнуло: «Интересно, женат он?!» – хотя с начала беременности подобные крамольные мысли меня не посещали еще ни разу.

«А хоть и не женат, – тут же оборвала я себя. – С моим пузом только женихов ловить». Но от обольстительной улыбки в адрес клерка я все же не удержалась и – неужели остатки былых чар сработали?! – в обмен получила не только пропуск на эксклюзивный въезд, но и шикарнейший номер с видом на лес, теплый, со смешным полосатым диваном. Обставлен-«заточен» он был совсем не по-русски: имелся и мини-бар, и замок-карточка вместо стандартных ключей, и телевизор с плоским экраном, и даже джакузи. А на столе – толстая кожаная папка с интригующим заголовком: «Меню развлечений». Из нее я извлекла, что занятий себе в «Тропиках» можно подобрать миллион. Тут тебе и сауна с личным парильщиком и последующим нырянием в прорубь, и подледная рыбалка, и целое сонмище косметических процедур с массажами, и снегоходы, и коньки, и водные горки в бассейне... В общем, все, что злыдни-врачи мне уже давно запретили. Так что из безразмерной папки мне, «глубоко» беременной, подошел разве что бассейн да массаж для усталых ног. Ну и, конечно, ресторан с «шедеврами мировой кулинарии», если, конечно, мировая кулинария не окажется чересчур острой.

Туда, в ресторан, я первым делом и отправилась: жор после долгой дороги напал страшнейший. Ожидала, признаться, чего-то из области советского пансионата, огромного зала с бесконечными рядами плохо протертых столов, а попала опять в тропический рай: плетеная мебель, яркие солнечные стены, живые пальмы и официанты в гавайских рубашках. И снова, грешным делом, я пожалела о своей беременности, потому что в такой обстановке тут же захотелось заказать на аперитив не омерзительный морковный сок, а, скажем, коктейль «Мохито».

«Да ладно, терпеть-то осталось! – утешила я себя. – Зато вот рожу – и сразу напьюсь. И сигарету выкурю».

Быстро, чтобы не соблазняться на любимые в добеременные времена корейскую морковку и шоколадные пирожные, заказала себе говяжью отбивную с картофельным пюре и принялась глазеть по сторонам (чем еще в моем-то положении оставалось развлекаться?).

Местная публика мне в целом понравилась. Никакого сравнения с традиционным контингентом подмосковных пансионатов (одинокие мамы с плаксивыми детьми да востроглазые бабульки по путевкам от собес). А тут, в «Тропиках», я углядела немало мужчин. Вполне достойных. И, что поразительно, некоторые из них даже были в галстуках.

Особенно меня один поразил: чернобородый, с пронзительным взглядом, с тонкими руками пианиста и – я это кожей ощутила – с привычкой повелевать. Я тут же окрестила его Мефистофелем – пусть не оригинально, зато метко – и стала гадать: «Кто, интересно, он такой? Врач? Ученый? Крупный бизнесмен? Или, может, и правда пианист? Какая-нибудь звезда, ужинающая в окружении поклонников недюжинного таланта?»

Наблюдать за людьми и придумывать (или угадывать) им биографии и профессии – это моя страсть. Я ей давно предаюсь, еще с тех времен, когда в метро ездила. Разглядывала тех, кто сидел напротив, и фантазировала. Потом, когда пересела на «жигуль» и увлеклась работой, страсть как-то поутихла, но здесь, в «Тропиках», вспыхнула вновь. А чем еще заниматься, как не за людьми наблюдать? Тем более за такими колоритными, как бородатый? Да и спутники его – трое женщин и двое мужчин – тоже необычные. Все пятеро – явно весьма успешные и не бедные, а смотрят на бородача, словно незадачливая паства на очередного свидетеля Иеговы. То есть с неприкрытым благоговением. А когда Мефистофель берется что-то вещать, тут же прекращают собственные разговоры. Чем это он их так зацепил?

Я даже решила к стойке бара прогуляться, не потому, что мне так уж хотелось выпить еще одну порцию полезного, но невкусного морковного сока, а чтобы подслушать, о чем за мефистофельским столиком говорят. Улучила момент, когда бородатый начал очередной монолог, – и пошлепала не спеша мимо.

Но ничего особо интересного не услышала – Мефистофель рассуждал всего лишь о погоде на завтра. Зато я успела разглядеть его спутников – действительно приятные, что называется, нашего круга люди. Таких всегда можно встретить в мраморных офисах или в престижных косметических салонах. Я успела заметить и свитера от Бербери, и холеные ногти и даже конфликт одним взглядом умудрилась поймать. Увидела, что один из двоих мужчин – редкостный красавчик. А одна из трех присутствующих дамочек, худенькая, вся в веснушках, смотрит на него таким безотрывным и просящим взглядом, что ежу понятно: влюблена, причем безответно. Интересно, он хотя бы авансы ей раздает или вовсе непоколебим и лишь благодарно принимает ее поклонение?

А вот это уже выходит за все рамки. Одно дело – фантазировать насчет профессий, и совсем другое – лезть в чужую личную жизнь. Нет уж. Хватит на них глазеть. Что это я, будто какая-то старая бабка...

Я отвернулась и стала разглядывать расписанные тропическими пейзажами стены и других, менее колоритных посетителей.

Выпила сок, поболтала с барменом, отказалась от предложения аниматорши пойти в бар играть в карты и отправилась восвояси. Но по пути – в зале, хоть и зима за окном, было очень душно – решила притормозить у приоткрытого окна. Подышала всласть – и за себя, и за ребеночка. А когда уже собиралась двигаться дальше, вдруг снова увидела бородатого.

Он, оставив свою паству, с мобильником у уха торопливым шагом двигался к выходу и что-то горячо говорил в трубку.

«...покойники. Все пятеро», – услышала я обрывок разговора, когда Мефистофель проходил мимо.

И в изумлении уставилась ему вслед.

Не о своих ли пятерых спутниках он говорил?!

Борис Борисович, директор отеля «Тропики»

Заместитель явился на доклад ровно в восемь.

Борис Борисович к этому времени не только успел позавтракать, но даже посетил ресторан и сделал поварам немалый втык. Совсем разболтались: посмели разогреть оставшийся со вчерашнего дня круассан – и кому, самому шефу!

– Ну, что у нас? – обратился Борис Борисович к заму.

Этой фразой он начинал уже тысяча пятьсот сорок шестое утро. Именно столько дней, то есть пятый год, Борис Борисович владел и руководил «Тропиками».

– Вчера состоялся новый заезд, – начал заместитель. – Более пятидесяти частных лиц, а также большой корпоративный тренинг по маркетингу, они сняли весь второй корпус. Ну и по мелочи. Мастер-класс парикмахеров, первый состав сборной страны по боксу, «Путь к себе»...

– Это что еще за путь? – нахмурился Борис Борисович.

– Да копеечное дело, – поморщился заместитель. – Психолог пятерых подопечных вывез на тренинг. Вы разве не помните? Он сказал, что вы лично в его офис прислали рекламу.

– Я? Лично? – с неподражаемым выражением лица переспросил Борис Борисович.

– Конечно, не вы, но по вашему непосредственному указанию, – тут же поправился заместитель.

– Весь тренинг – пять человек? – с легким презрением в голосе уточнил Борис Борисович.

В «Тропиках» по праву гордились, что умеют проводить корпоративные мероприятия. Последний рекорд поставили такой: приняли в рамках мастер-класса аж полторы тысячи человек.

– Но люди на этот тренинг приехали небедные, все пятеро поселились в люксах, только сам психолог в стандартном, – поспешно сообщил заместитель. – А для занятий я им выделил южную аудиторию, сами знаете, она маленькая, ее все равно никто из серьезных не берет.

– Ну, тогда пусть занимаются, – снисходительно улыбнулся директор. И пошутил: – Хотя я не понимаю. Если и так хватает денег на люкс, зачем тебе нужен психолог?

Борис Борисович улыбнулся и с удовольствием отметил, насколько верноподданнически захихикал заместитель в ответ на его реплику.

Тося, официально – генеральный менеджер ресторана

Такого задания у нее еще не было, хотя жизненный опыт уже – ого-го-го. Где только не приходилось работать – в круизах, в спортклубах, в казино, в больницах и даже один раз в православном монастыре. Но чтобы участвовать вместе с объектом в психологическом тренинге?!

Тося так и спросила Семеныча, шефа: «Он че, псих, что ли?» И немедленно нарвалась на строгую отповедь: «Во-первых, не «че», а чего, сколько раз тебе повторять! А во-вторых, психи – те в психбольницах сидят. А на тренинги ездят здоровые. Это теперь модно. Должна бы и сама знать».

Во маразм! Платить немалые бабки – Тосе как сказали, сколько одна путевка в эти «Тропики» стоит, так она сразу отпала – только за то, чтобы какой-то, с понтом, психолог тебя на жизненный путь наставлял! Да еще и душу ему выворачивать! Все-таки богачи – они на голову больные, хоть и считают себя элитой...

И самый кошмар – ей ведь придется лично в этом дурацком тренинге участвовать. Семеныч так сказал: «А разве плохо – жизни тебя поучат, считай, бесплатно?»

Жизни-то ладно, пусть учат, другое плохо. На тренинге этом, шеф сказал, тихой мышью не отсидишься. У них там не только внимать надо и за психологом мудрые речи конспектировать, но и гораздо хуже: о скелетах в шкафу

признаваться. И тем сознание очищать.

- Так что вот тебе, Тоська, первое, подготовительное задание, - хохочет Семеныч. - Придумать «скелет». О чем рассказывать будешь.

- Во как!.. - хмыкнула Тося. И пошутила: - А чего придумывать-то? Реальных скелетов, что ли, мало? Хотите, расскажу, как мы с вами первого клиента замочили? Ну, этого, жирный такой, помните? Которому помогли под электричку попасть?

- Глупо шутишь, - посуровел Семеныч. И тут же взялся, как неразумной девчонке, объяснять: - Да и скелет должен быть не такой. В смысле, со страстями, с соплями, как в романах пишут. На этом тренинге ведь кто? Буржуи. Тихушники. Кисейные барышни. У них воспитание особое. И образ жизни другой. Вот и придумай что-нибудь, чтобы их поразить.

- Типа, как меня папаня в детстве насилдовал? Или как я жука в консервной банке зажарила, а теперь всю жизнь из-за того страдаю? - предположила Тося.

- Именно, умница, - похвалил Семеныч. - В верном направлении мыслишь. Подумай еще, ну и разработай что-нибудь в этом роде. Во всех деталях. А потом мне расскажешь, я утвержу. И еще, - шлепнул по столу тощей стопочкой долларов, - над гардеробом поработай. Тренинг выездной, проходит в загородном пансионате, так что одеться надо соответственно.

- Буржуи что, и на лыжах в смокингах катаются? - хмыкнула Тося.

- Опять шуточка не в кассу, - нахмурился шеф. И стал разглагольствовать: - Не в смокингах, а в спортивных вещах. Но не какой-то там голимый «Адидас». Если спортивный костюмчик - то от Джуси Кутюр, пуховичок - так от Монклер, ну и говноступки - минимум от Экко.

- Эк вы фирмами сыплете... - проворчала Тося.

Семеныч - молодец, круто пообтесался. Базарит, будто в этот «Джуси Кутюр» его во младенчестве вместо пеленок заворачивали. А вспомнить, каким семь лет назад был, когда они бизнес только начинали! Какой там «Джуси Кутюр» - в

фальшивом «Найке» с Черкизовского рынка щеголял. И в китайском, с кривыми швами, пуховике.

Тося видела: высоко взлетевшего Семеныча весьма коробит ее неотесанность. И дабы позлить начальника, она порой специально надевала маску девочки из деревни. Коверкала слова, с шумом прихлебывала чай и даже как-то высморкалась не в платок, а прямо в землю. Семеныч морщился и грозил, что уволит, что она, «со своими пещерными повадками», их обоих под удар ставит, а Тося внутренне хохотала. Неужели шеф еще не понял, ее сила как раз в том, что она сыграть что угодно может. Хоть байстрючку, у которой даже носового платка нет, а нужно – и новую русскую жену. И если больше молчать, а в нужный момент скрасить разговор десятком-другим надерганных из энциклопедий слов, то вполне можно и за университетскую выпускницу сойти. Не самую, конечно, блестящую, но вполне вхожую в любые, даже самые высокие, слои общества.

А здесь, в «Тропиках», как сообщили Тосе, тусуются, конечно, не бедняки, но и не березовские. Владелица нескольких косметических салонов, исполнительный директор компьютерной фирмы, топ-менеджер известного торгового дома... В общем, средний класс. Даже удивительно, что объект – а из его досье следовало, что амбиции у него немереные и потенциал такой, что годам к шестидесяти он, стопудово, вырастет в олигарха, – затесался в столь непритязательную компанию.

И зачем ему-то самому, интересно, исповедоваться о своих скелетах? В досье по этому поводу говорилось: «Не исключено, что поездкой на данный тренинг объект преследует какие-то личные, не установленные нами цели». Что, интересно, за цели? Неужели банальные – вместе с бабой поехал?! С которой нигде, кроме как на дурацком тренинге, не может видеться?.. Это было бы катастрофой. Не то что Тося не взялась бы тягаться с неведомой бабой, просто некогда время на то, чтобы отбить, тратить.

...Но первым же вечером, когда они все вместе, и психиатр, редкостный урод, во главе стола, ужинали, Тося убедилась: нет. Никто из двух присутствующих на тренинге баб явных вась-вась с объектом не имеет. И втереться к нему в доверие будет не так уж сложно – объект, не в пример тому, как ведет себя в офисе, сидел расслабленный, много улыбался и охотно употреблял на пару с веснушчатой Александрой вино да водочку. Похоже, и правда: приехал в «Тропики» за путем к себе (это тренинг так по-дурацки назвали). Неужели будет им всем про своих скелетов исповедоваться?! Тогда он слабак, вот и все. Даже

удивительно, что у него враг настолько серьезный: не поскупился оплатить их с Семенычем услуги.

Но с выводами Тося на всякий случай решила не спешить. И более интимное знакомство с объектом не форсировать – не хватало еще его спугнуть. Зачем гнать кобылок, если тренинг протянется целых пять дней? Куда лучше сначала выждать, понаблюдать – и уж потом слепить объекта, как говорил ее любимый литературный герой Таманцев, тепленьким.

А заодно, раз уж такая оказия выпала, насладиться всеми прелестями крутого пансионата.

Косметика и прочая массажная муть Тосю не интересовали. А вот бассейн вкупе с сауной пошел хорошо. И тренажерный зал в «Тропиках» оказался на уровне – жаль только побить ногой по «мешку» она не решилась. Опасно. Сразу ведь поймут, что она в кекушинкай профессионал. Квалификацию-то с первого взгляда видно – вдруг, не дай бог, кто из тренингистов в спортзал забежит? А у нее легенда – разведенка богатого бизнюка, экс-официантка, а ныне – генеральная менеджерша ресторана «Аркадия». И где вы видели, чтоб у подобной дамочки был черный пояс по карате?

Тося оттянулась на следующий день ранним утром – когда участники тренинга, уставшие после вчерашних обильных возлияний, сладко дрыхли (она не поленилась заглянуть на рецепцию и убедиться: ключи от всех комнат не сданы).

Пробежка в самом сложном, рваном темпе по утреннему колкому снегу. Потом, на площадке у леса несколько асан из йоги. И на закуску – пяточек кат из кекушинкай. До чего же хорошо тренироваться на природе! Не зря сэнсэй все долдонит, что от деревьев, земли, солнца, снега сил прибавляется в разы больше, чем от разных допингов-анаболиков.

...Когда Тося закончила разминку, даже у нее, тертой, как шутил тот же сэнсэй, калачихи, слегка сбилось дыхание. Пришлось сесть прямо на снег в позу лотоса и минут пять стараться отдышаться.

В позе лотоса – предполагающей, между прочим, полную отрешенность от земного и концентрацию на внутренних резервах организма – Тосю и поджидал

неприятный сюрприз.

Оказалось, что за ее утренней гимнастикой наблюдали.

Сильно беременная, то есть почти на сносях, особа, тоже из отдыхающих, Тося ее вчера в ресторане видела за одиноким ужином. Дамочка – ей-то что не спится в такую рань?! – стояла со стороны леса, глазела на безупречный Тосин лотос и, судя по изумленно-восхищенному виду, наблюдала за ней давно.

«Гадство!!» – мелькнуло у Тоси, и она еле удержалась, чтобы не припечатать незваную зрительницу отборным матом. Но, конечно, удержалась. Тут, у буржуев, положено, когда что не по тебе, быть издевательски-вежливыми. Так что пришлось ограничиться язвительным вопросом:

– Вам угодно посмотреть на что-то еще?

– Нет-нет, извините... – немедленно зашугалась дамочка. И торопливо, бочком – будто боялась, что Тося немедленно обрушит на ее голову свое боевое искусство, – поковыляла в сторону отеля.

А Тося с минуту глядела ей вслед и очень надеялась, что настырная беременная окажется не из болтливых.

Алена, молодой специалист, 214-й день

Утренняя прогулка оказалась на редкость информативной. Во-первых, я досконально исследовала отельную территорию, заглянула в каждый закоулок, от спальных корпусов до котельной. Во-вторых, прогулялась по окрестному леску, и мне там понравилось. Вдоль тропинки, которую проложили для прогулок постояльцев, порядок, чуть в сторону от тропы – настоящие дебри: елки, сосны, красота! Ну и, в-третьих, еще и развлечься, несмотря на ранний час, удалось. Целое спортивное шоу посмотреть – его продемонстрировала миниатюрная, хрупкая девушка. Уже слегка мне знакомая – одна из тех, что сидели вчера вечером за одним столом с бородачом. Тем самым, с пальцами пианиста, который так меня заинтересовал. Тогда, вчера, я не только гадала, кто он такой, этот бородач, но еще и от скуки придумывала профессии всем пятерым его сподвижникам. И эту юную особу с простоватой внешностью и

глуповатым взглядом возвела в ранг экс-стюардессы, внезапно словившей птицу удачи в виде богатого мужа. Я от нечего делать ей целую биографию разработала – провинциальный городок, бедная семья, пьющий отец и поступление на курсы стюардесс как внезапно свалившаяся небесная манна... И вот как, оказывается, ошиблась. Судя по той легкости, с которой хрупкое создание махало ногами и кулаками, карате она занимается давно и достигла в сем искусстве явных успехов. Так что вряд ли бы ее заинтересовала карьера небесной официантки. К тому же, я слышала, драчуний в стюардессы не берут. Чтобы те, войдя в раж, подвыпивших пассажиров не покалечили.

«Вот что значит спешить с выводами», – упрекнула я себя. И мысленно вlepила себе жирную «пару» – за неумение разбираться в людях, а для пиарщика, пусть и на восьмом месяце беременности, это грех из грехов.

Ну а потом выкинула каратистку из головы и отправилась на завтрак.

Шведский стол в «Тропиках» оказался вполне на уровне – не сравнить с нашим домашним завтраком, когда тоже, как и здесь, хватаешь из холодильника все подряд. С сожалением пришлось констатировать: в моей семье выбор утренних блюд гораздо более скудный. А здесь одних соков – пять видов, и полезных каш – целых три разных, и даже не очень отвратительных на вкус. Ну и от сарделек с горчицей я тоже не удержалась. И – уж гулять так гулять! – залила съеденное чашечкой натурального кофе. В конце концов, мой Пузожитель гулял на свежем морозном воздухе все раннее утро – посему теперь можно позволить себе и немного вредного.

Я пришла в столовую пай-девочкой, то есть к началу завтрака, к девяти. Зал в это время был почти пуст – обычная история, когда посетители в отелях утреннюю трапезу или просыпают, или мчатся ближе к ее окончанию. Я тоже так всегда поступала – до тех пор, пока не забеременела и не начала, как полагается всем дамочкам в положении, мучиться бессонницей. Но хоть и явилась ранней пташкой, а засиделась до десяти. В кои-то веки куда торопиться? Посему имела возможность наблюдать тянувшихся на завтрак посетителей и как те себя ведут.

«Сразу видно, кто чем ночью занимался, – рассуждала я. – Если первым делом бегут к емкостям с водой и соками – значит, похмелье. А если сразу к кофе – выходит, выспаться не удалось. А когда в придачу к кофе на тарелку наваливается груда сарделек – ночь прошла, как говорится, с пользой. И нужно

срочно восполнить потерю калорий...»

К без пятнадцати десять свободных столиков в зале не осталось, и народ стал подсаживаться за уже занятые. Я с грустью констатировала, что молодые люди – а здесь их имелось немало – меня, увы, игнорируют. Объяснимое, конечно, поведение – с животатой-то интрижку не заведешь! – но все равно обидно. Да и молодые девицы, только кинув на меня оценивающий взгляд, все равно предпочитали приземляться за стол к себе подобным. Что тоже понятно – со мной ведь теперь и поговорить не о чем. Косметикой я не пользуюсь – боюсь аллергии, вместо модных магазинов посещаю салоны одежды для беременных, а привычный спортклуб сменила на полезную, но скучную аквааэробiku для будущих мам... Ну а если к моему столику направлялись деда или тетки в возрасте – я сама их отваживала. Принимала столь хмурый вид, что те резко меняли траекторию и приземлялись в других местах. Не настолько уж я беременная, чтобы проводить свой недолгий отпуск в компании пенсионеров!

Я уже почти решила, что познакомиться и поболтать за этим завтраком мне ни с кем не удастся, когда вдруг увидела: в направлении моего стола движется молодая женщина. И, кажется, собирается подсесть ко мне. Я тут же расплылась в приглашающей улыбке – потому что женщина оказалась знакомой. Еще одна из тех, что вчера вечером окружали бородача. И если со стюардессой-каратисткой мне никаких дел иметь не хотелось, то с этой я бы с удовольствием поболтала. Потому что чувствовалась в ней и порода, и недюжинный ум, и интерес к жизни – а таких людей я люблю. Плюс просто фантастическая красота. Не зря я вчера вечером дала ей кличку: КН, Красотка Неописуемая. Женщины, оценивая других дам, столь лестными определениями обычно не пользуются, предпочитая «мымру» или «гримзу», но я решила смотреть правде в глаза. До чего же повезло человеку! Роскошные, причем натуральные, светлые волосы. Глубокие голубые глаза. Белоснежная, пышущая молодостью и здоровьем кожа. Точеная, не побоюсь банального слова, фигурка... В общем, мне хоть до беременности, хоть после нее, а такой не быть никогда. Ну и ладно. Это вовсе не означает, что я откажусь с Красоткой поболтать.

– У вас свободно? – вежливо обратилась она ко мне.

Я с изумлением обнаружила в ее голосе легкий провинциальный акцент (надо же, а ведь вчера, придумывая биографию, я записала ее в коренную, да еще в каком-нибудь пятом поколении, москвичку) и пригласила:

- Пожалуйста!

И с легкой завистью посмотрела на то, что содержится в ее тарелке, - умеют же люди держать себя в руках! Умеют впихивать в себя подобную дрянь! А лично я - опять же ни во время беременности, ни после - такое в рот не возьму: пророщенный овес без всякого соуса. Мюсли. Кусочек хлеба с отрубями. И крошечный островок геркулесовой каши. Ну а на запивку - вода.

- А почему вы сок не взяли? - просто, чтобы поддержать разговор, поинтересовалась я.

Передо мной-то три пустых стакана красуются. Из-под апельсинового, ананасового и яблочного.

И тут же нарвалась на отповедь:

- Да разве это соки? Одно название. А сок - он сок лишь тогда, когда свежавыжат. Кстати, я уверена, что вам, - оценивающий взгляд на мой живот, - врач тоже советовал пить только фреши.

Молодец дамочка. Авторитарная. Не зря я вчера, пока ей биографию строила, не обманулась ее записной красотой. И занесла не в ряды новорусских жен, а в сами-по-себе-богатые. В начальницы. Директрисы, скажем, спортклуба. Или модного медицинского центра.

- Я пью. Морковный, - сморщилась я. - Но бесплатно ведь свежавыжатые не подают...

- Значит, нужно заказать его в баре, - припечатала дамочка.

И очень меня порадовала. Я таких - резких, решительных, деловых - люблю. С ними и общаться интересно, и по жизни - особенно по нашей, пиаровской - пригодиться могут. Ведь в моей работе чем больше знакомых из самых разных областей, тем лучше.

- Свежавыжатый из цитрусовых мне нельзя, - призналась я. - А морковный, если честно, так задолбал... Вам самой во время беременности он разве не надоедал?

По дамочкиному лицу промелькнула тень, и я тут же мысленно укорила себя за дурацкие, отнюдь не подходящие для начала знакомства вопросы. И немедленно попыталась оправдаться:

– Ой, простите... Мы, беременные, мыслим узко – хлебом не корми, дай про свое положение поговорить. И узнать, как это у других проходило.

– Да нет, все нормально, – тут же взяла себя в руки моя собеседница. – Просто я беременной никогда не была, поэтому сразу и не нашла, что ответить.

У меня на языке тут же завертелся следующий вопрос: «А сколько же вам тогда лет?» – но задать его, разумеется, не решилась. Потому что женщина, несмотря на всю свою красоту и ухоженность, тянула далеко не на двадцать. И даже не на двадцать пять. Скорее ближе к тридцати. Или даже тридцать с хвостиком. Неужели за все эти годы она ни разу не забеременела?.. Никогда не поверю. Ну что ж, тем интереснее. Люблю людей с загадками.

Я сразу сменила тему:

– Вы здесь на отдыхе?

– Почти. На тренинге, – сдержанно усмехнулась дамочка. И представилась: – Кстати, меня зовут Ярослава. – Она слегка поколебалась и добавила: – Можно без отчества.

– А я – Алена. И что у вас за тренинг? По бизнесу? – И тут же подольстилась: – Но вы совсем не похожи на человека, которому нужно практиковаться! Тем более в бизнесе. У вас, по-моему, и так все хорошо получается.

– На бизнес-тренинг я бы и не поехала, – согласилась Ярослава. – Нет. Наш тренинг называется «Путь к себе».

– Как оригинально!.. – не удержалась я.

А Ярослава, игнорируя мой сарказм, пояснила:

– И посвящен тренинг искусству неделового общения.

- Чему-чему? – опешила я.

- Неделовому общению, – терпеливо повторила собеседница. И расшифровала: – Нас на этом тренинге пятеро. И у всех все очень хорошо на работе. Ни с контрагентами, ни с подчиненными проблем нет. А вот в частной, нерабочей жизни... В общем, мы все пятеро одиноки, у нас нет ни семей, ни, по большому счету, друзей... Вот мы здесь и учимся – налаживать контакты за рамками бизнеса. Искусству обычных, человеческих отношений.

- А вы что, не умеете общаться?! В неформальной обстановке?.. – Кажется, я снова сморозила бестактность.

И Ярослава честно призналась:

- Не всегда. Вот с вами, например, мы даже познакомиться не успели, а я сразу мораль начала читать. Что вы соки не те пьете.

- Ну и правильно, что прочитали, – усмехнулась я. – Я не в обиде.

- А многие обижаются, – серьезно ответила Ярослава.

- Да ну, ерунда! И потом, если уж и учиться – так не у психолога же!

- А у кого? – улыбнулась Ярослава.

- Ну, не знаю... – задумалась я. – Может, какого-нибудь Карнеги почитать... Или кто там на эту тему пишет... А тренинги, на мой взгляд, – полная муть. И психологи, что их ведут, – вообще шарлатаны.

- Мне кажется, вам бы тоже не помешало... поучиться неформальному общению, – усмехнулась собеседница.

- Возможно, – согласилась я. – Но только не у психолога.

- Ну и зря вы так, – возразила Ярослава. – Даже у Билла Гейтса личных психологов целый отряд. И он доволен. Говорит в своих интервью, что это

весьма способствует бизнесу.

– Значит, он каких-то особых, высококлассных нанял. А вот я, например, у нас в школе по подготовке к родам с таким дебилом общалась! Подсунул мне какой-то опросник, а когда я ответила – выдал: вы, говорит, мамочка, к материнству не готовы. И ваш ребенок, когда родится, станет испытывать дефицит любви.

– Вот как? – заинтересовалась Ярослава. – А вы что, правда, не готовы?

– Редкостный бред, – пожала плечами я. И призналась: – Ну, мы прямо сейчас заводить ребенка не собирались... но раз уж так вышло... конечно, мы его ждем. И дефицита общения у него никакого не будет. Я ему уже сейчас погремушки классные покупаю. И книжки с картинками.

...И снова мне показалось: в глазах Ярославы что-то мелькнуло. Что-то совсем неуместное для легкого трепа за завтраком. Тщательно скрываемая боль. Отчаяние. Бездна.

Впрочем, что мне до ее проблем? Пусть до них психологи докапываются – им за то немалые гонорары платят. И я поспешила перевести разговор в безопасное русло:

– А скажите, Ярослава, вы уже в местном СПА-комплексе были?

Трагическая морщинка меж ее тщательно ухоженных бровей тут же разгладилась. Ярослава отхлебнула глоток воды, закусила мюсли и принялась просвещать меня – с большим знанием дела! – на предмет предоставляемых «Тропиками» косметических процедур.

Тренинг, день первый

Яков Анатольевич пришел в конференц-зал первым – его подопечные еще не закончили завтракать. Был он, как обычно, в костюме, оливковый галстук выгодно оттеняет светло-зеленую рубашку, ногти ухожены, глаза благодаря специальным увлажняющим каплям ясны и мягко мерцают.

Первая заповедь: вся фигура психолога должна вызывать исключительное доверие. А как иначе помогать пастве найти путь к себе?

Он подошел к окну. Убедился, что денек разгорается замечательный – солнечный, звонкий. Народ по номерам не прячется, кто шествует с лыжами, кто с коньками, кто санки в поводу тащит. Что ж, тем приятнее, когда не сомневаешься: все пятеро участников тренинга зимние развлечения проигнорируют. И явятся на занятия в полном составе.

Первой пришла Ярослава.

– Ты, как всегда, ослепительна, – приветствовал ее Яков Анатольевич.

И почти не кривил душой – женщине очень шли и светлые волосы, и ярко-белый жакет. Если бы только не тщательно скрываемая тоска в глазах...

Следующими явились Александра – эта выглядит поскромнее, одни веснушки по всему лицу чего стоят – и Антон, причем тот вел свою спутницу под руку, и она от такого внимания явно млела.

«Глупышка, – мелькнуло у Якова Анатольевича по поводу девушки. – Ну а он... он – игрок». Это в адрес Антона.

Последними в зал вошли Андрей Степанович и крошка Тося. Эти выглядели предсказуемо, в соответствии со своими психотипами: мужчина – с важным видом разглагольствует, женщина – восхищенно ему внимает.

– Я рад, что все вы пришли, – проникновенно приветствовал участников тренинга психолог. – Несмотря на шикарную погоду. – И пошутил: – Я подозревал, что вы уже в лесу. На лыжах катаетесь.

– Не дождетесь! – хмыкнула Ярослава. – Мы ведь занятия из своего кармана оплачиваем.

– Не то, что на корпоративных тренингах, – подхватил Андрей Степанович. – Там от силы треть на занятия ходит.

- Это точно, - поддержал его Антон. - Мы в прошлом году на семинар по маркетингу ездили. В Завидово. Так я там, врать не буду, не просыхал. С раннего утра и до поздней ночи.

- Фу, вы пили? Сразу после завтрака?! - манерно нахмурилась крошка Тося.

- И даже до завтрака, - тут же заверил ее Антон. - А также во время оного. Коньяк, знаешь ли, удивительно хорошо идет под овсяную кашу!

- Вы шутите, - неуверенно произнесла Тося.

- Нет. Констатирую, - ухмыльнулся Антон.

Александра неуверенно хихикнула. А Ярослава ослепительно улыбнулась молодому человеку и проникновенно произнесла:

- Никогда не поверю, что вы - алкоголик.

Яков Анатольевич уже просчитал: Александра, милая веснушчатая девушка, старается зря. Красавца Антона ей не зацепить никогда. А роман на их тренинге вспыхнет именно между этими двумя, Антоном и Ярославой.

Тем более после того, как Антон расскажет им всем о себе.

- Ты готов, Антон? - мягко обратился к нему Яков Анатольевич.

- Я? Первый? - слегка растерялся молодой мужчина.

- А почему нет? - с видимым облегчением пропищала Тося.

- Нам всем будет интересно тебя послушать! - вторила ей Ярослава.

Предсказуемая реакция. Хотя все они здесь для того, чтобы облегчить душу, но исповедоваться, тем более первым, все равно тяжело.

– Мы все твои друзья. Мы доверяем тебе, а ты – нам, – тихо произносит Яков Анатольевич. На безымянном пальце его левой руки мерцает кольцо с бриллиантом, и Антон уже не может отвести от камня слегка остекленевшего взгляда, а психолог продолжает: – И все, что ты нам расскажешь, навсегда останется в стенах этой комнаты. Мы, все присутствующие, обязательно сохраним твою тайну. Расскажи нам, что тебя беспокоит...

И Антон механически, будто его ключиком завели, ответил:

– Да. Конечно. Я расскажу.

Аудитория – особенно Александра с Ярославой – обратились в слух.

– Дело в том, что я убил свою мать, – спокойно произносит Антон.

И Александра в испуге отшатывается. А в глазах Ярославы вспыхивают счастливые искорки.

«Антон – твоего поля ягода!» – успевает подумать психолог.

* * *

Слово «интеллигентный» Антон усвоил, пожалуй, даже раньше, чем «машинка» или «войнушка». Что поделаешь – угораздило родиться в такой семье, где над пресловутой интеллигентностью тряслись и козыряли этим словечком по поводу и без повода. Он, только когда повзрослел, понял, что по-настоящему глубокие, порядочные люди определения «интеллигентный» избегают и даже стесняются. Ну а пока он был неразумен и юн – покорно хлебал все заветы, коими его потчевали утонченные дед, бабка и папа: «Не кроши хлеб – это неприлично. Не вылизывай тарелку – это тошнотворно...» Ну а уж носиться с топотом по квартире в их семье считалось и вовсе преступлением.

«Как в тюрьме», – сказал однажды его юный приятель Гошка, а у того папка сидел, он знает.

Да Антон и без Гошки очень рано, годика в три, стал догадываться, что семья у него очень несчастливая. По крайней мере, за столом, когда ели, никто никогда

не улыбался, папа смотрел в газету, дед – в телевизор, а бабушка постоянно ворчала. На погоду, политиков, цены в магазинах, а больше всего на убоище – так она называла любимого внука. И сказки Антоше на ночь никто не рассказывал, и в магазины с игрушками его не водили – редкие машинки и солдатики выдавались только в честь праздников. Он так завидовал ребятам и девчонкам из садика! За ними за всеми вечерами приходили молодые, звонкоголосые мамы. Позволяли и повиснуть на руке, и даже запрыгнуть почти до плеч и обвить, несмотря на грязную обувь, ногами... А его бабушка – за Антоном приходила чаще всего она – даже не разрешала взять себя за руку, и они просто шли рядом, в метре друг от друга. А если являлся папа, тоже было не легче. Другие-то отцы, Антон замечал, если приходили за своими чадами, то хотя бы какой-то интерес к ним проявляли. Пусть даже вlepляли подзатыльники или волокли тихходного малыша за собой с упреком: «Что как на похоронах плетешься?» Антонов же папа – интеллигент! – себе подобных реплик не позволял. Он просто молча брал сына под руку и молча же усаживал в машину. А когда мальчик пытался завязать разговор, сухо просил: «Будь добр, помолчи!» И таким веяло холодом от этой невинной, в общем-то, фразы, что маленькое сердечко трехлетки трепетало от обиды. Он покорно замолкал. И уже лет с четырех начал мечтать, как станет пиратом или хотя бы капитаном и уедет из дома куда глаза глядят.

Вопрос: «Где моя мама?» – он тоже задал рано, кажется, еще даже до садика. И немедленно получил холодный и сдержанный, как было принято в их семье, ответ: «Твоя мама, к сожалению, умерла. Для нас». Что такое «для нас» – Антон тогда не понял, а вот что такое умер – он уже знал. Это когда котенок, еще вчера гонявшийся за бумажной мышкой, недвижимо лежит на асфальте.

Он был так потрясен, что больше ни о чем спрашивать не стал. И мамин образ несколько лет оставался бесплотным, теплым и прекрасным, будто была она Золушкой из доброй сказки. Но потом, уже совсем перед школой, Антоша все-таки потребовал, чтобы ему рассказали, какой была его мама. Как она выглядела? Кем работала? И почему, наконец, в доме нет ее фотографий?

Его вопросы бабке с дедом (папы, как всегда, не было дома) явно не понравились. Но ответ он все-таки получил.

Что мама его выглядела, как обычная смазливая девка. Что она нигде не училась и нигде не работала. Что гуляла ночью и днем налево и направо – со всеми подряд, и именно поэтому в доме нет ее фотографии: она не стоит того, чтобы

ее лик держали в их интеллигентной семье.

– Значит, мой папа – он и есть все подряд? – поинтересовался Антон, изрядно смутив уже вошедших в раж бабуку с дедом.

Дед объяснил так: на папу, мол, помрачение нашло. А бабука добавила: «Да она, твоя мать, его просто околдовала – вот и все!»

– Значит, она была фея? Раз умела колдовать? – снова озадачил бабушку с дедом Антон.

– Не фея она была, а шлю... – начал дед.

Впрочем, под взглядом бабушки быстро осекся, и конца фразы Антон не расслышал. А бабушка велела мальчику «идти в свою комнату и заниматься делами». То есть в одиночестве катать машинки или разглядывать картинки в книжках. И представлять, что книжку с картинками и любимую игрушку, синий с белыми полосками грузовик, ему протягивает мама...

А потом наступил первый класс.

Антон, чистенького и дрожащего перед неизвестностью, в школьную жизнь отводил папа. Ввиду торжественности момента он даже сделал несколько исключений из правил: вместо обычно бесстрастного лица – натянутая улыбка. Вместо молчаливой угрюмости – напутственные реплики, довольно занудные: учишься, мол, хорошо и на переменах не балуй. Но все равно Антон чуть не впервые в жизни стал гордиться, что у него такой папа: молодой, мужественный, с сильной рукой, крепко сжимающей детскую ладошку. Вон как на него тетеньки заинтересованно поглядывают – и те, что других первоклашек в школу привели, и даже важные и строгие учительницы.

«Жаль, никто не видел, что мы к школе на машине подъехали, – мелькнуло у Антона. – Да не на «Жигулях», а на настоящей иномарке! Вот был бы писк!»

Но когда папа подвел сына к симпатичной полненькой женщине – она держала в руках табличку с надписью «Первый «А», и подле нее уже крутилось с десятков новоиспеченных, взбудораженных первоклашек, – разразилась катастрофа.

Едва папа успел сказать, что вот, так и так, я привел вашего ученика Антона Нечаева, как к ним подлетела не очень молодая и совсем неопрятная женщина, но при этом ярко размалеванная, с вызывающе черными бровями и пунцовой помадой на губах. У Антоши (не зря он все-таки воспитывался в интеллигентной семье) мелькнуло безошибочное: «Уборщица. Или вахтерша. Что, интересно, ей тут надо?»

Мальчик инстинктивно подался назад – от самозванной тетki нестерпимо несло резкими духами, – а учительница строго обратилась к незваной гостье: «Что вы, женщина, хотели?» И только папа никак не отреагировал на явление неприятной тетki. Он просто молча стоял и по-прежнему сжимал руку сына, и лицо его заливала совсем неуместная в солнечный день бледность. А женщина между тем схватила Антошу за вторую руку и неприятным фальцетом заголосила: «Мальчик мой! Сыночек! Кроvinушка!» Ее рука, в отличие от папиной, прохладной и сильной, оказалась неприятно шершавой и влажной.

– Вы кто? – испуганно прошептал Антон.

– Господи! Сынушка! Не узнал! Да я ведь мама твоя, родная мамка! Наконец нашла тебя! Нашла!

– Оля-ля-ля! – неожиданно для строгой учительницы отреагировала начальница первого «А».

А папа, наконец вышедший из ступора, презрительно спросил:

– Долго, Зиночка, думала? Все, наверное, крошечные мозги напрягала?

– Чего? Чего ты несешь? – ощерилась женщина.

Антон увидел: в ее рту часть зубов – мутно-золотые, а других нету вовсе.

Но папа ответил не ей, а сыну, и голос его стал не теплым, как было, когда отец вел его в школу, а абсолютно – и традиционно – ледяным:

– Ты, Антон, давно спрашивал, где твоя мама. Так вот она, во всей своей красе. Знакомься.

Отец усмехнулся недоброй ухмылкой. А мать (мама? Фея?!) не почувствовала насмешки в папином голосе и широко раскинула руки навстречу сыну:

– Антошенька! Зайчик мой! Обними меня, лапонька!

Антоновы одноклассники с интересом наблюдали за мизансценой. Девчонки жадно прислушивались к разговору. А Антон в ужасе смотрел на вдруг обретенную мать, кривился от ее тяжелого дыхания и едва сдерживался, чтобы не заплакать.

...И уже на первой в его жизни школьной переменке он узнал, что такое злые насмешки одноклассников, потому что мальчишки обступили его со всех сторон и принялись скандировать: «У Нечаева мать – алкашка!» И это было вдвойне, втройне обидней, потому что школа, куда зачислили Антона, как особо подчеркивали его интеллигентные родственники, считалась элитной. Здесь учились сплошь отпрыски депутатов, ученых, артистов, владельцев первых в стране частных предприятий и прочих сливок, так что мать-алкашка, безусловно, выходила отличным поводом для дразнилок.

А дома к его ужасному настроению еще и бабушка с дедом добавили – они даже не стали спрашивать, как прошел первый школьный день. А тут же стали интересоваться, рад ли Антон тому, что наконец обрел мать.

– Вы же мне говорили, что она умерла! – укорил их мальчик.

– А разве нет? – холодно поинтересовался дед.

А бабушка услужливо пояснила:

– Мы имели в виду: разве эту дрянь можно считать человеческим существом?

– Я понял... – грустно вздохнул Антоша. И жалобно, будто не школьник уже, а робкий детсадовец, всхлипнул: – И что же мне теперь делать?

– Как – что? Ликовать. Что сбылась наконец твоя мечта, – предложил дед.

А бабушка еще хлеще завернула:

– А хочешь... можешь даже к ней переехать. Насовсем. Представляю, в каком притоне она живет.

Антон мгновенно вспомнил нечистую одежду матери, ее странный, тревожный и влажный взгляд, неприятные ярко-желтые волосы и яростно замотал головой:

– Я не хочу к ней!

Дед с бабкой переглянулись. Им, кажется, был приятен его искренний испуг.

– Не волнуйся. Никто тебя к ней не гонит, – снисходительно успокоил дед.

– А можно... можно сделать так, – тут же бросился в атаку Антон, – чтобы она больше вообще ко мне не подходила?

– Быстро же ты к ней остыл, – вновь усмехнулся дед.

А бабуля пояснила:

– Видишь ли, Антоша... Мы, к моему безусловному сожалению, живем в излишне свободной стране. И запретить твоей матери ничего не можем. Не хотела она тебя раньше видеть, не хотела воспитывать – и заставить ее мы не могли. А сейчас вдруг родительскими чувствами вспылала – тоже ее право. И запретить ей к тебе приближаться можно только по решению суда, а получать его долго и сложно. Да и то: решения эти все равно никто не выполняет.

– К нам домой мы ее, конечно, не пустим, – заверил внука дед. – Ну а во дворе... на улице... у школы... Нам, увы, охрана по статусу не положена. Так что личным телохранителем обеспечить тебя не можем.

И Антону вдруг представилось: темный вечер... тускло освещенный подъезд... а в проеме, возле лифта, его караулит она – такая долгожданная и, оказывается, совсем нелюбимая мать. Кидается к нему, хватая сильными и грязными руками за горло, запихивает в огромный, душный мешок...

Он не выдержал – заревел, хотя школьникам, конечно, реветь не положено, и плакал так горько, что даже строгий дед не пожалел для него собственного носового платка. А бабушка расщедрилась на утешения:

– Да ты, Антошенька, не волнуйся. Ты быстро ей надоешь, и она от тебя отстанет. Уже навсегда.

– А если не отстанет?

– Тогда будешь с ней общаться. Ничего не поделаешь.

– Нет, – с недетской твердостью отрезал Антоша. Вскинул голову и заявил: – Если она от меня не отстанет – я ее просто убью.

Бабка с дедом удивленно переглянулись, но ругать (обычно-то даже за слово «дурак» нотацию читали) не стали. Наоборот – дед его вроде подначил:

– Хорошая идея, мил-человек. Убивай. Мы только за.

– Чему ты учишь ребенка? – укорила его бабушка.

Но голос ее звучал без всякой укоризны, и глаза смеялись.

– ...И тогда я понял: они меня одобряют. И я действительно ее когда-нибудь убью. – Нынешний, взрослый Антон широко улыбнулся.

«Вот это мужик!» – мелькнуло у Ярославы.

Ярослава, хозяйка косметических салонов

Навязчивая Александра со своими веснушками, крошечка Тося на своих огромных каблуках – это, безусловно, не конкурентки.

Едва закончилось занятие и Яков Анатольевич покинул конференц-зал, как Ярослава умело оттерла остальных двух женщин и приблизилась к Антону. Слегка коснулась его руки. Провокационно улыбнулась. Бархатно, на

пониженных тонах проворковала:

– А я и не думала, что вы, Антон, такой матерый преступник... Впрочем, я вас стою. Будем держаться вместе?

Он оценивающе, в один взгляд, осмотрел ее всю – от снова вошедших в моду остроносых сапожек до с виду небрежной, но тщательно сработанной прически – и галантно ответил:

– С вашими, мадам, преступлениями я пока не знаком. Но держаться вместе – согласен.

– Не волнуйтесь: мои преступления вас не разочаруют, – заверила его Ярослава.

Улыбалась она беззаботно, но мозг лихорадочно работал: а что, если он спросит о ее преступлениях прямо сегодня? Что бы ей такое придумать?! Не правду же, в самом деле, рассказывать...

– Тогда по аперитиву? Перед обедом? – тут же внес предложение Антон.

Оставшиеся участники тренинга ревниво прислушивались к их диалогу и уходить из конференц-зала не спешили. Александра, бедняжка, едва не плакала; Тося – изо всех сил притворялась равнодушной. А Андрей Степанович буравил Ярославу пристальным, испытующим взглядом.

«Да плевать мне на них на всех!»

– По аперитиву? Звучит заманчиво... – улыбнулась она Антону.

И оставшийся до обеда час они провели за милой, легкой, ни к чему не обязывающей беседой, которая так просто, если чуть отпустить внутренний тормоз, может перейти в череду более смелых комплиментов и закончиться в тот же вечер в любой – его или ее – постели.

Но Ярослава отпускать внутренний тормоз не спешила. И потому после обеда – а сидели они, разумеется, за одним столиком – предложила нейтральное: вместе пойти в бассейн. А потом принять еще по аперитиву, уже перед ужином. После

ужина пошел шикарный, крупными хлопьями снег, и просто сам бог велел отправиться на романтическую прогулку по подсвеченным сказочным голубым светом дорожкам...

Так что бесстрастная видеокамера ничего крамольного не запечатлела. Вот двое сидят за столиком, перед ними – коктейли... вот он осторожно и ласково касается ее руки... вот она смахивает невидимую пылинку с его щеки...

На снимках оба выглядели просто шикарно – она молода, он юн. Оба красивы. Уверенные в себе, разгоряченные намечающимся флиртом...

А ведь для одного из них эта видеосъемка оказалась последней в жизни.

Глава 3

Александра, кандидат наук и лауреат многочисленных конкурсов

Какие же мужики твари, какие они все твари!

И никто, даже Яков Анатольевич, ее в этом не разубедит.

А ведь психолог обещал ей, что поможет. Что исправит ее жизнь. И учил, учил: «Сашенька, будь, пожалуйста, проще! Не ходи насупленной, не прячь глаза, не говори, как писал классик, красиво. Никакой зауми, ни, упаси бог, формул и прочей ахинеи. Мужчины любят простых, веселых, жизнерадостных девушек – вот и стань такой! И к тебе сразу потянутся...»

И она, дура наивная, решила: психолог прав. И ее проблему действительно очень легко решить. Она, наверное, сама своим суровым видом отгоняет мужчин. А стоит отпустить вожжи, раскрепоститься, расслабиться – и все пойдет на лад.

Ничего не скажешь – преуспела. Раскрепостилась. Устроила личную жизнь...

А ведь, когда вносила деньги за тренинг, Яков Анатольевич намекнул: сюда, в пансионат, классный мужик приедет. Неженатый, богатый, умный, так что лови момент, Сашуля. Ну, она и стала ловить – в соответствии со всеми его заветами.

Уж так раскрепостилась, что голова от выпитого болит. Язык трещит от анекдотов (она, верная наущениям Якова Анатольевича, травила их без умолку), глаза красные (это из-за того, что тени наложила, обычно-то косметикой не пользовалась).

Только Антон болтать с ней болтал и под ручку водил, а с тренинга ушел в обнимку с мымрой Ярославой. И дальше весь день от нее не отходил. А с ней, Сашей, когда столкнулись нос к носу в бассейне, только поздоровался – вежливо и настолько равнодушно, что у нее едва слезы не брызнули.

Вот и получается: что с тренингом, что без тренинга, а личная жизнь никак не строится.

Как со школы повелось – так до сих пор и тянется. Мальчики всегда охотно списывали у нее математику, слушали анекдоты, угощались бутербродами (мама ей вкусные делала, обязательно с майонезом и веточкой петрушки), но только портфели таскали совсем другим девчонкам. И в кино водили не ее, и на дискотеках оставляли подпирать стенку...

Саша однажды не выдержала: поделилась своими переживаниями со старшим братом. Хоть они и на ножах, но все-таки Артем – мужчина и умник, может, что дельное подскажет.

Но ничего дельного от брата Саша не дождалась. Тот только расхохотался и заявил:

– Не понимаешь, почему мужики тебя не любят? Да потому что ты амеба! Прimitив! Одноклеточное! Такие только в Саудовской Аравии котируются. Но мы ведь не мусульмане. Нам с подобными возжаться неинтересно!

И Саша понимала, что брат хоть и жесток, но прав, и горько плакала и изо всех сил старалась вырасти из амебы в полноценного человека. Училась, читала, размышляла...

И ведь выросла, выросла, да еще в кого! Вон на визитке сколько титулов: «исполнительный директор, кандидат математических наук, лауреат общенациональных и международных конкурсов», и все правда, все честно заработано, выстрадано!

Только Антоны (и Миши, и Гоши, и Паши) все равно глядят будто бы сквозь нее. Словно и нет на свете такого человека, Саши Клевенской, а имеется только робот. Некий бесполой исполнительный директор корпорации «Клевенский». Очередная «акулка капитализма», с которой, безусловно, можно вести бизнес. Но вот пригласить ее куда-нибудь дальше бизнес-ланча – это ни-ни.

...Вернувшись из бассейна, где ненавистный Антон с предвкушающей улыбкой плескался пообочь своей крашеноволосой бабки (ежу ведь понятно – этой Ярославе давно уже стукнул тридцатник!), Александра первым делом извлекла навороченный, какой и положено иметь бизнесвумен, мобильник. Virtuозно, в доли секунды, выщелкала нужное изображение на экранчике... Антон. Вчера, идиотка, его за ужином щелкнула. И даже, помнится, задавалась вопросом: «А вот интересно, когда мы поженимся – я его фотку в своем телефоне оставляю? Или он и дома будет мне надоедать?» Ну, что ж, хорошо поженились, крепко.

Александра, не оборачиваясь, не глядя, врубила ноутбук (когда вся жизнь связана с компьютерами, в клавиши уже попадаешь автоматически). Еще за пару секунд перенесла изображение из телефона в память компа. Подключила принтер (иной бы удивился: тащить печатающее устройство за собой на отдых! – но для Саши это было в порядке вещей). Вот и готово: цветная фотка Антона во всей его бесстыжей, голубоглазой красе.

Ну а дальше – науку побоку, врубаем магию.

Саша убедилась, что дверь в ее номер заперта. Задернула шторы, приглушила свет. Извлекла из дорожного несессера толстую, с прокаленным концом иголку. И вонзила острие, поочередно, в оба глаза улыбающегося красавца. Вот ему, вот! За все.

Бред, конечно, и полная антинаучность, только срабатывало уже не раз. И разумное объяснение сему феномену имеется: у нее, Саши, биополе сильное. Вполне способное трансформировать отрицательную энергетику. И таким образом карать тех, кто смеет ее оскорблять.

Последний пример, когда в институте ее оппоненткой назначили, рецензировать очередную диссертацию. И завкафедрой ее на предзащите оскорбил. Выдал, подлюга, сентенцию: «Диссертант, на мой взгляд, разбирается в теме куда лучше, чем его оппонент». Кафедральный народ, ясное дело, захихикал, диссертант – до смерти перепугался, она, Саша, попыталась обратить злую реплику зава в шутку... И, конечно, все сошло, забылось, и к окончанию заседания кафедры никто уже ничего и не помнил.

Только не она, не Саша.

Заведующий кафедрой тем же вечером лишился обоих глаз – благо фотографироваться лауреат и профессор вельми любил. Ну а ночью, как заполошно доложила на будущий день кафедральная секретарша, его увезли в Бакулевку с инфарктом...

Будем надеяться, что и Антону хотя бы в чем-нибудь, а придется несладко. А пока – к черту все тренинги и к черту очередную попытку склепать свою личную жизнь.

Александра еще раз взглянула на фотку Антона. Мистика, но он даже без глаз, с зияющими дырами вместо них, хорош...

Может быть, еще не все потеряно? Может быть, с Ярославой у него это так, наваждение?.. Курортный романчик с немолодой и страстной особой? Вдруг Антон понял, что она, Саша, для мимолетных отношений не годится, и решил покамест поиграть с Ярославой? А отыграв с ней, он одумается и предложит ей, Саше, что-то не на пару ночей, а куда более серьезное?..

«Ага. Руку и сердце, – прозвучал у нее в ушах насмешливый голос брата. – Не дождешься, амеба!»

Саша вздрогнула. Когда же она отвыкнет по всем вопросам и жизненным ситуациям прислушиваться к брату? И думать: «А что бы сказал по этому поводу Артем?»

«Никогда. Я тебя повязал», – ясно, будто вживую, услышала она.

И, уставившись невидящими глазами в монитор, начала вспоминать...

...Она никогда не понимала брата. Не могла его просчитать, предсказать. И всегда пребывала в тревожной неуверенности: а как он отреагирует на тот или иной ее поступок? Скажем, на то, что сестренка стянула у него из письменного стола новую, потрясную ручку? Или подглядывала за тем, как он отработывает перед зеркалом «взгляд жоака и говор оратора»?

Как правило, Саша угадывала точно наоборот. И Артем, вопреки ее ожиданиям, не ругался ни за ручку, ни за подглядывание. Но вот когда сестра без всякой задней мысли начала читать забытую на его столе тетрадку...

Ничего ведь там не было особенного. Ну, вроде как роман (или повесть, Саша эти жанры, как ни зубрила в школе, а так и не различала). Ну, от первого лица, очень смешно, типа: «Я выхватил пистолет», «Я молниеносно взобрался на плоскую крышу патио...» Ну, рисунки на полях – тоже ничего особенного, этим, она помнила, еще Достоевский баловался: вот парень с мужественной бородкой управляет скоростным катером... а вот расправляется с бандитом метким ударом ноги... В общем, обычное для мальчишек дело: воображают себя Джеймсами Бондами и пишут о том романы.

И у Артема, кстати, получился неплохой, она даже увлеклась – до такой степени, что не расслышала характерных шаркающих шагов брата... И тут же, неожиданно, нарвалась на безжалостную затрещину. Не удержалась на стуле, упала и, лежа у его ног и дрожа от страха, слушала:

– Ну, ты и подлюга! Да как ты только могла?! У тебя что, ничего святого нет?!

– Да что та-акого?.. – прохлюпала Саша. – Подумаешь, святое! Ты ведь сам эту тетрадку на столе оста-а-вил...

– И что с того? Обязательно, значит, лезть?! – продолжал бушевать Артем.

– Но это очень интересный роман! – выкрикнула она. – Его не прятать надо, а всем показывать!

- Это не роман, - неожиданно огорошил ее он. - И показывать его никому нельзя. - И в запальчивости добавил: - И вообще это мое, мое личное, ясно?!

Он опять замахнулся на сестру, и девочка в ужасе прикрыла голову рукой.

- Боишься меня? - хмыкнул, постепенно успокаиваясь, брат. И милостиво разрешил: - Ну, бойся, бойся...

- Боюсь, - согласилась она. Но упрямо добавила: - А все-таки роман у тебя хороший.

Лицо Артема вновь полыхнуло яростью. Он подхватил сестру под мышки, рывком приподнял ее, поставил рядом с собой:

- Ты опять за свое? Получи!

Он отвесил ей очередную затрещину.

- Не бей меня! - захныкала она.

- А ты не смей надо мной смеяться! - парировал брат.

- Смеяться?.. - Саша в первую минуту даже опешила.

Взглянула снизу вверх в его тревожные, неуверенные глаза... и наконец прочухала, что Артемчик имел в виду. И поняла: сорвись с ее языка реплика типа «Джеймс Бонд недоделанный» - вообще костей бы не собрала...

Дело-то не в романе. А в том, что Тема, дурачок, роман вроде как про себя писал. Явно продолжает мечтать, что в один прекрасный день его ножка счастливо излечится, и все тогда в его жизни пойдет по-другому, и он тут же обратится в Джеймса Бонда или, как минимум, в известного теннисиста. Неужели это для него настолько важно? Неужели брат никак не может обойтись без пресловутого физического совершенства?!

И вот тогда, тем же днем, Сашу осенило: «А ведь этим всем можно успешно пользоваться!..»

Его комплексами. Его взрывным характером. А главное – его талантом (природа явно отвесила ему за них двоих).

Но не просто принимать с благодарностью помощь брата и выслушивать его покровительственные советы. Гораздо умней будет отобрать у Артема все и потом уничтожить его.

«Да нет, о чем это я? Я ведь амеба. Одноклеточное. Я такую игру сроду не проведу. Кишка тонка», – мелькнула трусливая мысль.

Но Саша с недетской твердостью тем же днем приказала себе: «А ну-ка, отставить панику. Я – сильная. Я справлюсь. И я построю себе новую жизнь. Пусть даже на трупе брата».

Она повторяла эту формулу долгие годы, ежедневно и еженощно.

И жизнь послушно строилась по заданному ею алгоритму.

Наука. Бизнес. Международные конкурсы – ей покорилось все.

Только вот с любовью не выходило.

Может быть, потому, что Артем в их последнюю встречу очень буднично, спокойно сказал:

– А ты знаешь, амеба... я ведь тебя проклял.

Тося, официально – генеральный менеджер ресторана

«Концептуально новый пансионат» – ну и тягомотина! Напоминает дебильный дом отдыха из фильма «Грязные танцы».

Тосю не покидало ощущение: мир здесь будто сделан из картонки. Неживой, как театральная декорация. Ровные, по линейке, дорожки, а сугробы вдоль них загнаны в аккуратные стожки. Постоянные – и потому неискренние – улыбки

официантов и горничных. А постояльцы вообще на людей не похожи – выглядят, словно хорошо отлаженные роботы. Предсказуемые в своей любезности – и отвратительные в своем богатстве. Даже визитные карточки у них, гадов, какие-то особенные – из плотной бумаги с водяными знаками, не чета ее собственным, заказанным второпях в первом встречном ларьке. Ярослава, как взяла Тосину визитку, так съехидничала:

– Ох, сколько золота! Аж в глазах рябит.

Мымра.

Но, в принципе, коллеги по тренингу, надо отдать им должное, вполне нормальные ребята. Психи, конечно, раз башляют за то, чтобы им мозги промывали, но психи адекватные. Тося-то, когда сюда ехала, ждала, что они чуть не буйными все окажутся. Но, выяснилось, шеф прав: на психологические тренинги ездят самые обычные люди. А мальчики, Антон с Андреем Степановичем, и вовсе оказались очаровашками. И проблемы у них – опять же, вполне человеческие. По крайней мере, история, которую сегодня рассказывал Антон, Тосю на удивление зацепила, хотя она и настраивала себя барские проблемы близко к сердцу не принимать. Но только сама бы тоже, хоть и не барыня, на Антоновом месте от такой жизни с катушек съехала.

Всю жизнь обходиться без матери, представлять ее в образе феи – и вдруг нате-выньте, получай вместо феи алкашку. Да еще и в первый школьный день перед новыми друзьями осрамила...

Хотя тренинг давно и закончился, а Тося никак не могла выкинуть из головы Антонов рассказ. Гуляла в одиночестве по идеально вычищенным снежным дорожкам и вспоминала...

...У Антона просто мания преследования началась – так боялся, что мать придет к нему еще раз. Домой, в школу, во двор. Но волновался он, как оказалось, зря. Нежданно-негаданно нашедшаяся мать его больше не беспокоила. Видно, дед с бабкой работу провели, да и папа руку приложил. «Откупились», – однажды, во время ужина, услышал Антоша. Так что о ней вспоминали, только если дед на праздники выпивал. У него, как пару рюмок примет, тут же любимое развлечение: внука шпынять. И поминать, как тот все ждал свою мать-волшебницу, оказавшуюся алкоголичкой и замарашкой.

А потом случилось ужасное.

Весной, в родительскую субботу, папа – верный сын и образцовый семьянин – всегда возил бабуку с дедом на кладбище, навещать родственные могилки, сажать на них цветы и убирать мусор. Антошу в такие поездки с собой не брали – да он и сам не стремился: кладбища, с тех пор как «Вия» прочел, нагоняли на него дикий страх. Поэтому получилось к обоюдному удовольствию – родичи отбыли, а Тоша, едва убедился, что папин автомобиль выехал со двора, тут же ринулся в дедов кабинет. У него давно имелся планец как следует порыться на книжных полках. Особенно в том ряду, где красовались тома с манящим логотипом «Библиотека приключений». (Дед, изверг, обычно его в свой кабинет не пускал. А книги для чтения выдавал только по своему усмотрению – в награду за школьные успехи.)

И планец увенчался оглушительным успехом – на самой верхней полке обнаружилась чумовая книжка под названием «Остров сокровищ». Тоша как забился в свою комнату, как открыл ее, как добрался до того места, когда Билли Бонсу черную метку прислали, так все земные дела-обязанности из головы и вылетели. Очнулся, только когда стемнело. Захлопнул в ужасе книжку, пулей рванул на кухню – вспомнил, что бабуля велела посуду вымыть. Шустро, в полчаса, перемыл-расставил целую гору и только потом задумался: а ведь как-то странно получается. На дворе уже темень полная, а родичи еще с кладбища не вернулись. Они, конечно, люди взрослые и смелые, только неужели синеньких огоньков, что на могилах в темноте пляшут, совсем не боятся?..

Впрочем, ему же лучше – вечер пройдет без традиционных поучений. Можно спокойно поваляться на диване и дочитать, что там на острове сокровищ дальше было...

А в час ночи, когда Антоша дошел до места, как посрамленный Сильвер жалобно просит, чтобы его вновь взяли на корабль коком, раздался телефонный звонок. «Але!» – раздраженно, из-за того, что отвлекли, выкрикнул в трубку Антон. И, будто в ступор впад, выслушал сочувственный мужской голос, который сообщил: отец, бабка и дед погибли. Все трое. Они спешили домой, а им навстречу мчался груженный «КамАЗ»...

...И вот тогда у Антоши вдруг вновь объявилась мать.

Оказалось, что завещания ни дед с бабкой, ни отец не оставили. И по закону их единственным наследником выходил малыш Антон. Только хоть и наследник, и законный хозяин жилплощади, а никто ему одному жить, пусть и в собственной квартире, не разрешит. Есть два пути: или в детдом, до совершеннолетия, или родственников искать, кто вместе с ним поживет, присмотрит. Вот тетеньки из опекунского совета и удружили – однажды триумфально явились под ручку с маманей...

И снова Антон услышал: «Наконец-то я нашла тебя, сыночка!» И снова увернулся от резкого запаха материных духов и ее несвежего дыхания...

Ну а дальше все пошло совсем скверно.

Первое время, как переехала в их квартиру, мама вела себя классно – то ли надумала новую жизнь начать, то ли просто робела в окружении антикварной мебели и тысяч книжных корешков. По крайней мере, каждый день Антошу ждал обед, а вечерами мама даже пыталась читать ему сказки, как ни пытался мальчик ей объяснить, что из сказок он уже тысячу лет как вырос.

Но только мамина благодать, увы, продлилась недолго, и уже через месяц совместной жизни она, когда вместе обедали, сыну наливала компот, а сама угощалась пивом. Еще через пару недель безобидное пиво сменилось на хрустальную водочную рюмку... Ну а вскоре мама и с хрусталем перестала связываться. Глушила огненную воду прямо из стакана. Да и скромная компания в лице сына-школьника ей быстро надоела, и в квартире стали околачиваться, с нескрываемым восторгом перед «богатой обстановкой», многочисленные собутыльники.

Тетеньки из опеки регулярно высказывали матери порицания, но дело, увы, только тем и ограничивалось. Мамаша продолжала на законных основаниях подписывать его дневник и проживать в его квартире.

«Вот если б ты на учете в милиции состоял или бы кошельки крал – тогда дело другое, мы бы ее родительских прав быстро лишили», – объяснила ему одна из сотрудниц опекунского совета. Но на криминал Антона не тянуло, учился он хорошо и даже школу никогда не прогуливал – зачем, если только там от материных заскоков и отдохнешь?! Так что с учетом в милиции ничего не получится – только и остается ждать до его восемнадцати лет, когда мамашу (и

ведь когда-то он считал, что она фея!!!) можно будет с полным основанием выставить из квартиры. И до поры терпеть и пьяные объяснения в любви к своей кровиночке, и вечный бедлам в квартире, и постоянные макароны на завтрак, обед и ужин...

И тогда – не зря же Антон перечитал почти что всю дедову библиотеку, в основном состоявшую из классических детективов, – у него возник план. Как гарантированно и безопасно устранить пропитую, с вечным матерком, «фею» из своей жизни.

Было ему в то время всего-то четырнадцать лет.

Мать уже успела распродать большую часть антиквариата, изрядно поцарапать паркет, а кухню и вовсе превратила в филиал бомжатника. Антон препятствовать тому не мог – она его законная мамаша, она взрослая, живет как знает. Он только за дедовы книги всеми зубами держался и однажды, когда материн собутыльник взялся раздирать Брема на самокрутки, даже вызвал милицию.

Постоянные возлияния и, как регулярно писали в своих отчетах тетеньки из опекунского совета, «беспорядочные половые связи» очень быстро превратили мать в полную развалину. Она докладывала сыну о все новых и новых болезнях и принципиально не подходила к зеркалу, чтобы, как говорила, не расстраиваться. Да и с «крышей» у нее с каждым годом становилось все хуже.

Тоша долго не мог забыть, как в седьмом классе девчонку домой привел. Без всякой, между прочим, задней мысли – просто та считалась книжной фанаткой, а он хотел перед ней дедовой библиотекой пофорсить. Ну, мамаша натолкнулась на гостью в коридоре, когда та уходила, и выдала вопросец: как, мол, у моего Антона, агрегат большой? И хорошо ли функционирует? Несчастливая девчонка, известная на всю школу паинька и отличница, в первый момент даже и не врубилась, а Тоша со стыда едва сквозь коцанный паркет не провалился...

...И вот у матери – потасканной, несносной и пьющей все больше и больше – неожиданно появляется ухажер. Десятью годами моложе, ладный, неглупый, заботливый, почти трезвенник... Ясное дело, старуха окончательно съезжает с катушек и, не чинясь, тут же начинает строить грандиозные планы. Мелькает в них и шумная свадьба, и счастливая жизнь до гроба, и даже – о, ужас! – белое

платье с фатой. Она закупает косметику и – сущий кошмар! – черное кружевное белье.

Меньше пить, правда, у нее все равно не выходит, раньше, признается она, пила от горя, а теперь от счастья. Но ее ухажера это совсем не смущает. И, как с гордостью рассказывает мать Антону, он даже помогает ей в особо пьяные дни раздеться и лечь в постель.

– И по голове гладит, пока я не усну, можешь себе представить?

– О-фи-геть! – выражает свой восторг сын.

А про себя не устает потешаться.

Молодого да заботливого хахалю для матери нанял он. В этом и состоял его грандиозный план. И привести его в исполнение особых проблем не составило. Кавалера для матери даже особо искать не пришлось – мальчик, на почве дедовых книг, давно общался с разными жучками-антикварами, ну а среди них охочих на любую работу можно найти.

Правда, чтобы расплатиться за услуги, пришлось изрядно проредить дедовы книжные шкафы. И Евангелия восемнадцатого века ушли, и раритетный тридцатитомник Достоевского, и Маяковский с автографом автора...

Но дело того стоило. Материн ухажер добросовестно отработывал свой гонорар.

– Ваше дело уболтать ее, чтоб она в вас по уши влюбилась, – наставлял маленький работодатель своего сотрудника. – Потом – делаете ей предложение, подаете заявление в загс, начинаете готовиться к свадьбе. Дарите кольцо – я его сам куплю. Ну а за день до свадьбы – исчезаете. Все. По-моему, совсем не сложно. Справитесь?

– Я-то справлюсь, – хмыкает подчиненный. – Дело нехитрое. Только тебе-то это зачем? Она ж, когда я свинчу, такое устроит!..

– А это уже, извините, не ваше дело, – суровееет Антон.

В том соль плана и заключалась.

Или он совсем идиот, или мамаша после такого облома просто не выживет.

Так и получилось. И ему, Антону, даже не пришлось грех на душу брать.

Когда мать, за день до свадьбы, поняла, что жених бесследно исчез, она не просыхала неделю. А на излете запоя, когда Антоша уже опасался, что его план потерпел крах, заперлась ночью в ванной и перерезала себе вены.

Антон был свободен и счастлив. Только так и не решил, может ли считаться настоящим убийцей. Ведь той ночью он не спал. И слышал, как стонет за закрытой дверью ванной комнаты пьяная мать. Но ни милицию, ни «Скорую» вызывать не стал.

Лишь утром сам взломал дверь и обнаружил ее мертвой.

Андрей Степанович, богатый человек и любитель женщин

Андрей Степанович задумчиво чертил носком ботинка по ершистому, колкому снегу. Его обступал зимний, звонкий, подсвеченный уличными фонарями вечер. Мимо по дорожкам фланировали отдыхающие – по большей части, ясное дело, дамочки. Некоторые из них приостанавливались, награждали его заинтересованными взглядами, и Андрей Степанович читал в их лицах, будто в распахнутой книге: «Я – училка (врач, бухгалтер). Я – одинока. Я так соскучилась по мужчине...» Таким только улыбнись, только отвесь минимальный из комплиментов – и все, можно пожинать плоды. Только разве это дичь? Прimitив. К тому же опасно связываться с непроверенными, с посторонними.

Только со своими – тоже беда.

Андрей Степанович уже голову сломал. Кто из них? Ярослава? Сашенька? Тося? Невелик выбор... Обманул чертов психолог. В эту поездку и ассортиментец цыпочек скудноват, и коллега по тренингу, Антончик, всю игру портит. И ведь видно: у парнишки за душой ни гроша (не считать же состоянием зарплату в тыщонку-другую долларов?). И мозгов – кот наплакал. Но поди ж ты, наделил его господь смазливой рожей да проникновенными глазками. Да умением

красивые истории излагать. Моя мама не дала мне любви, и за это я ее убил.. Ясное дело, что после таких заявлений у всех баб глаза разгорелись. Их же хлебом не корми, дай кого-нибудь утешить. Или спасти.

Вон красотка Ярослава как возбудилась. Сашеньку едва не отпихивает, глазами влюбленно хлопает... Ну и пусть наслаждается своим трофеем. Ясно же: Антонов триумф – это до поры. И очень скоро смазливый парнишка со своего пьедестала слетит. Нужно только подождать. Тем более что он не гордый. Ярослава ему и после Антона сгодится.

Только нужна ли она ему? Может, все-таки выбрать Александру? Или остановиться на Тосе?..

...Ездить на тренинги Андрей Степанович начал два года назад. Идею ему подсказал коллега по бизнесу – однажды в очередной сауне за очередной рюмкой пива пожаловался:

– Жена у меня совсем сбрендилась. Опять на выходные в пансионат смылась.

– И ты отпустил? – удивился Андрей Степанович.

Жену коллеги он знал: самодостаточная, красивая, успешная. За такими глаз да глаз нужен.

– А что делать? – скривился коллега. – Она ведь не отдыхать поехала, а на психологический тренинг. Душу, понимаешь ли, очищает. После каждого занятия, говорит, полностью обновляюсь...

– Она у тебя с приветом, что ли? – на полном серьезе поинтересовался Андрей Степанович.

– Сам ты с приветом, – обиделся коллега. – Не знаешь, что ли: тренинги – это модно.

Андрей Степанович за модой, признаться, никогда не следил – не до того было. Но вот тренингами заинтересовался. Начал выспрашивать, читать, выяснять и очень скоро понял: вот где настоящая синекура! Вот где просто рассадник

неглупых, симпатичных, обеспеченных и успешных дам. При явном дефиците мужчин.

«Искусство влюблять в себя». Или: «Как побеждать – на работе и в жизни». И уж тем более: «Как притягивать к себе достойных мужчин». Не названия – песни. Ежу ведь понятно: законченные стервы на такие тренинги не поедут. Так что можно душу дьяволу прозакладывать: большинство тренинговых дамочек, при всей их успешности, – очень ранимые, чуткие и волнительные создания. Как раз такие, какие ему нравятся. Их только выслушай, только приласкай – и потом можешь делать с ними что хочешь...

И ничего тебе за это не будет.

В коллекции Андрея Степановича за два прошедших года уже имелось одиннадцать успешных проектов. И два, к сожалению, неудачных. Что ж, если сейчас он сделает правильный выбор, количество его красоток возрастет до двенадцати. Красивое число. Ровно столько, как у бога апостолов... Нужно только до поры до времени держать себя в руках.

Алена, молодой специалист, 215-й день

Как ни называй отель – хоть элитным, хоть «концептуально новым», – а все равно гостиница. То есть покоя в ней не ищи – несмотря на ковры и двери с шумоизолирующими прокладками.

По крайней мере, в несуразное время, в пять утра, я проснулась оттого, что в коридоре имел место явный дебош.

Сначала – громкий женский вскрик... потом – торопливые шаги... ага, стучатся – кажется, в соседний номер... а теперь и в мою дверь. Ну что, право, за наглость!

Глаза не открывались. В предыдущий день я явно перестаралась с оздоровлением организма. Две долгие прогулки, ранним утром и перед ужином, мегазаплыв в бассейне и даже (после долгих телефонных препирательств с моим гинекологом) косметический массаж лица и лечебная маска для волос. Плюс активное обжорство (как не объедаться, если на завтрак и обед – халявный шведский стол, а на ужин жарят восхитительные отбивные?) и бурные

морковносоковые возлияния.

Так что в сон вчера вечером я просто провалилась и даже, противу обыкновения, не слышала, как колбасится в животе Пузожитель.

И вот, называется, дали отдохнуть – ломятся в дверь, считай, посреди ночи (а у кого повернется назвать утром пять часов зимнего дня?!).

Натягивая халат и шлепая к входной двери, я ни капли не волновалась. Потому что была уверена: шумят вовсе не потому, что что-то реально случилось. А вот перепить и под градусом побуянить – это вполне в духе постояльцев крутого отеля. Тут, по-моему, из паинок только я одна. А остальные постояльцы, как я наблюдала в ресторане, налегают на коньячок с коктейлями ого-го-го как. И просто свинство со стороны местной службы охраны, что не пресекли хулиганство в зародыше, а допустили его в корпус, где отдыхает после долгого тяжелого дня беременная женщина.

– Ну, сейчас я вам устрою! – бормотала я, распахивая дверь.

За два дня, что провела вне офиса, я уже соскучиться успела, что втыки некому давать.

Но едва увидела, кто шумит, как гневные слова тут же замерли на языке.

По коридору металась Ярослава – та самая, что вчера за завтраком читала мне мораль насчет концентрированных соков.

Я встречала ее и в обед, и за ужином, но за мой столик она больше не подсаживалась – ей было не до меня, не до скучной беременной особы. Потому что теперь ее сопровождал юный красавчик, она активно кокетничала с ним и выглядела, кажется, еще моложе, чем утром.

...Но сейчас от былой красоты не осталось и следа.

Я в ужасе смотрела на бледное, будто обсыпанное мукой, лицо. На глаза в черных рамочках теней. И на кровь, запятнавшую ее одежду и руки.

– Наконец-то хоть кто-нибудь!.. – выкрикнула она, когда я открыла дверь.

Но, едва завидев – и узнав – меня, отрезала:

– Идите к себе!

Ледяным, безапелляционным тоном. Наверное, она в шоке.

Я бросилась к ней:

– Ярослава, что случилось?

– Я сказала: вернитесь в свой номер!!!

Теперь в ее голосе звучали явные истеричные нотки.

Спокойствие. Только спокойствие. Как там сотрудники службы спасения говорят?

– Пожалуйста, не волнуйтесь. Я помогу вам...

– Только не вы, – отрезала она. – Впрочем... позвоните из своего номера на рецепцию. Скажите, что у меня, в триста втором... – Ярослава запнулась. И вдруг неожиданно и горько разрыдалась.

Ну а я – после такой-то преамбулы! – вернуться в свой номер просто не смогла. И любопытно, и страшно, и в груди такой приятный, давно забытый холодок, как когда по встрече обгоняешь – теперь-то, в связи с беременностью, я все свои гоночные опыты давно прекратила...

И я решительно обогнула рыдающую Ярославу, быстро, насколько позволял живот, промчалась по коридору – и ворвалась в триста второй номер.

С ходу в коридоре и комнате ничего страшного в глаза не бросалось. Почти такой же номер, как у меня. Синий в зеленые ромбики ковровин на полу, мебель «под красное дерево», эстампы «под Малевича» на стенах...

– Стой, психопатка! – услышала я крик в спину.

Ярослава перестала рыдать и явно собиралась вытолкать меня из номера. Да что здесь такое произошло?! Я резким движением распахнула дверь в ванную комнату.

И почувствовала, как в животе в ужасе трепыхнулся малыш. А в мое собственное сердце будто загнали ледяной булыжник.

В джакузи лежал мужчина. Его тело выгнулось в смертельной истоме, рот искривлен, глаза пусто и горестно уставлены в потолок. А вода в ванне – пурпурная, точно такого же цвета, как вино, бокал которого я позволила себе вечером.

Мужчину я узнала – это был тот самый юный красавчик, которого весь прошлый день кадрила Ярослава.

А она сама, поняв, что выгонять меня уже поздно, встала за моей спиной и прошептала:

– Это Антон, – и добавила непонятное: – Он убил себя. Точно так же, как убил свою мать.

Пятью часами позже

Вот тебе и отдых! Вот тебе и элитный отель с дорогушкой путевкой! Да я даже когда в офис ходила, и то утомлялась гораздо позднее, к обеду. А сейчас – всего-то десять утра, а я уже без сил. Только и остается рухнуть в кровать... закрыть глаза, начать проваливаться в сон... и в ужасе подскочить, потому что вдруг видятся мертвые, тупо уставленные в потолок глаза Антона.

И как мне, беременной, успокоиться?! Даже валерьянку – и ту нельзя. И сигарету от нервов не выкуришь. Не говоря уже о коньяке для расслабления.

Мне пришлось – и никаких скидок на беременность – выдержать долгую беседу с милицейским чином, причем вел он себя навязчиво и нагло. Как ни пыталась я ему втолковать, что с Ярославой мы едва знакомы, а Антона я и вовсе не знаю,

но все равно два часа из жизни пропали. Вычеркнуты под бесконечные, въедливые вопросы:

- А почему Ярослава постучалась именно в ваш номер?

- Не знаю. Она вроде во все номера стучалась, но только я ей открыла.

- И что было дальше?

- Она попросила меня вызвать службу охраны.

- А что вместо этого сделали вы?

И мои бесконечные покаяния: простите, мол, любопытную. Что бросилась в номер. Что наследила на месте происшествия. И что от вида этого происшествия мне самой стало так плохо, что примчавшийся врач первым делом кинулся не к Антону, а ко мне, щупать пульс и совать в нос нашатырь...

Но хотя и чувствовала я себя реально плохо, а разговорам, что вели между собой представители следствия, исправно внимала. Тем более что менты, мужики, меня совсем не стеснялись, говорили обо всем без купюр.

Я уже давно заметила: для мужчины беременная женщина (если это, конечно, не жена и не любовница) – нечто вроде мебели. Нечто бесполое, безмолвное и бесполезное. Потому можно при ней и между ног, пардон, почесывать (честное слово! Пока пузо не появилось, ни разу не видела, как мужчины это делают, зато теперь насмотрелась в избытке!). Ну а уж говорить о чем угодно, без всяких скидок на женские уши, – это и вовсе святое...

И сначала мне было обидно, что мужики, нимало не стесняясь меня, обсуждают и свои сексуальные похождения, и своих дам, а потом я решила: нужно использовать эту особенность мужской психологии себе во благо. Пусть болтают, а я, как тот кот Васька, слушаю да ем!

Ну а уж тут еще интереснее, когда мужчины, не стесняясь тебя, говорят не про мимолетную интрижку, а про настоящее самоубийство – эффектное, с ванной, наполненной кровью, я такие прежде видела только в кино...

Предварительный вердикт и доктора, и милицейских был такой: Антону никто не помогал. Об этом на первый взгляд говорили и положение тела, и швейцарский перочинный нож, вывалившийся из его правой руки, и отсутствие следов насилия.

Что ж, обычное дело: не выдержали нервы, у молодых, но чрезмерно зацикленных на карьере офисных работников это бывает.

Только Ярославу жаль: уж слишком это самоубийство по отношению к ней получилось иезуитским.

Я слышала, как мент ее пытал: «Неужели вы не заметили, что Антон находится в депрессии?..» А она упрямо отвечала: Антон, мол, ей показался абсолютно нормальным. И депрессии у него никакой не было, вполне адекватный, веселый парень, со своими, конечно, тараканами в голове – так у кого их нет? Да и вообще: она спать с ним в эту ночь не планировала. И расстались они, всего лишь обменявшись поцелуями. По обоюдному, как она сказала, согласию: «Ведь гораздо интереснее, когда у отношений остается перспектива, правда?»

– Ну, и каким же образом Антон оказался в ванной комнате вашего номера? – не отставал милицейский чин.

И Ярослава, глотая слезы, рассказала: она уже легла, когда вдруг, сильно после полуночи, Антон постучался в дверь ее номера. Слегка нетрезвый, чуть более, чем вечером, возбужденный. В руке – бутылка коньяка, дорогого, но уже начатая. Как-то, в общем, все скомкано... Она удивилась, а Антон сказал, что понял: он не может ждать до завтра.

– И я... я призналась, что тоже не хочу ждать. И пустила его... – поникла Ярослава.

И все у них вроде бы получилось сказочно. А как иначе, если женщине тридцать с мелочью, а парню – едва исполнилось двадцать три? Самая, говорят, совместимость. А потом Ярослава уснула, очень крепко, как никогда не спала... и в районе пяти утра ей понадобилось выйти в ванную. А там – Антон с перерезанными венами, и никакой записки. Бр-р...

Не зря я считаю: все, кто ходит на психологические тренинги, – отчасти психи. Нормальный человек и с собою кончать не будет, и уж тем более не возьмется резать вены в ванной чужого номера.

Впрочем, логика самоубийцы мне, нормальному человеку, неведома.

Единственное, что меня смущало: Антон в числе остальных пятерых приехал на тренинг. Его проводит тот самый бородач, за которым я давеча наблюдала в ресторане. И как в этом случае понимать фразу, что обронил бородач, а я случайно подслушала:

...покойники. Все пятеро?

Ведь очень похоже, что относились эти слова к его подопечным. К участникам тренинга, которых зовут, я уже знала: Ярослава, Тося, Александра, Андрей Степанович и Антон.

Может быть, я плохо расслышала? Или бородач говорил о ком-то другом? Или это просто образное выражение? Нельзя же и правда допустить, что он собрал их всех пятерых, чтобы они здесь, один за другим, покончили с собой?

Впрочем, пусть с бородатым и с его тренингом разбираются менты – фразу бородача я им добросовестно процитировала.

Милиционеры поблагодарили меня за помощь следствию.

А Ярослава была явно недовольна: «Тебе что, Алена, больше всех надо?»

Но что она имела в виду – объяснить не стала.

Глава 4

Борис Борисович, директор гостиницы «Тропики»

О происшествии в триста втором номере ему доложили в семь ноль пять утра, тем самым отменив и привычную утреннюю зарядку, и даже неизбежный в столь ранний час кофе.

На рабочее место Борис Борисович прибыл задолго до начала рабочего дня – в семь сорок.

Проходя в свой кабинет, с неудовольствием отметил: в секретарском предбаннике опять бардак, в вазе засыхают вчерашние булочки, немытые чашки из-под вчерашнего же чая покрылись неприятным коричневым налетом. Но верный заместитель уже здесь, сутулится на краешке посетительского диванчика, волнуется, ждет...

Борис Борисович сухо поздоровался и тут же перешел к делу. Попросил:

– Рассказывай.

Заместитель и доложил во всех красках – была у него, несмотря на бесцветную внешность, склонность к цветистому, в стиле бульварных романов, живописательству. Про полную крови джакузи. Про истерику несчастной любовницы. Про обморок «забредшей на огонек» туристки, к тому же оказавшейся беременной, едва выкидыш от ужасного зрелища не случился...

– На каком она сроке? – прервал рассказ зама Борис Борисович.

– Этого не скажу, – смутился тот. И показал: – Но живот – во!.. Того и гляди родит.

– Внеси в список ограничений: с сегодняшнего дня беременных на сроке свыше тридцати недель в отель не оформлять.

– Сделаем, – кивнул зам. – А с этой-то что делать?

– А что с ней поделаешь? – поморщился Борис Борисович. – Отправь ей корзину с фруктами. За счет отеля. И врачу нашему скажи: пусть присматривает. А той, которая любовница, выдели другой номер. У нее обычный люкс был? Так определи ее в сьют. В качестве компенсации за моральный ущерб. И вот еще

что. Посмотри по регистрационным карточкам – журналисты в отеле есть?

– А зачем нам журналисты? – не понял зам.

– Именно, что незачем, – поморщился Борис Борисович. И объяснил непонятливому: – Ты представляешь, какие могут быть заголовки? «Наш корреспондент оказался в отеле, где убивают»...

– А этого Антона вроде бы никто не убивал, – прищурился Костюня. – Сам по венам чикнул.

– Вот и надо эту мысль довести до журналюг. Если таковые у нас в отеле окажутся, – разжевал заму Борис Борисович. – Человек с расстройством психики, не выдержали нервы, то, се... Кто его, кстати, в отель оформлял? Похож он на ненормального?

– Оформлял его Миша Талалаев, – продемонстрировал осведомленность зам. – Он сегодня как раз в ночь, так что я спросил. Нет, говорит, нормальный мужик. Только смазливый. И подозрительно, что не просто отдыхать, а на психологический тренинг приехал.

– Это тот самый, как его... «Путь в бездну»? – нахмурился Борис Борисович.

– «Путь к себе», – со вздохом поправил заместитель. – Говорил ведь, не нужно психов в отель пускать!

– Ты? Это говорил? Когда? – усмехнулся директор.

– Ну, может, вам и не говорил, а думал. А на будущее – надо от таких справки из психдиспансера требовать.

– Справки – ерунда. Я тебя уверяю: этот парень ни на каком учете не состоит, – заверил Борис Борисович. И вновь поморщился: – Черт, но до чего же нехстати!..

– Уже ментов понаехало. Немало, – подлил масла в огонь заместитель.

– Проследи, чтобы их всех покормили. За счет отеля, – велел Борис Борисович. – И предложи, кто захочет, – бассейн, сауна...

– Понял, – кивнул зам.

– И попроси: пусть тело заберут как можно быстрее. В триста втором номере сразу, как милиция позволит, – полную дезинфекцию. И приказ по отелю: все разговоры о самоубийстве запрещаются, нарушившему – немедленное увольнение. Нам такого пиара не нужно...

– Может, прикрыть этот их тренинг к чертовой бабушке? – выступил с очередной инициативой заместитель. – Пусть разъезжаются?

– А под каким предлогом? – пожал плечами Борис Борисович.

– Ну... придумаем.

– Нет, это не дело, – возразил Борис Борисович. – У них все оплачено, денег в ресторане и в СПА наверняка оставляют изрядно, никаких нареканий нет. Выгоним – будут наш отель на каждом углу славить, что мы договоренностей не соблюдаем, а это нам надо?.. Так что пусть уж их... репетируют дальше. Будем надеяться, что ненормальный в этой компании – только один.

Тренинг, день второй

Черного галстука в дорожном гардеробе не имелось, и потому Яков Анатольевич ограничился темно-синим. В сочетании с рубашкой цвета весеннего неба выглядело, как надо: в меру строго, но без трагизма.

– Да уж, трагизма нам совсем не надо... – бормотал Яков Анатольевич, стоя подле окна в ожидании, пока начнется тренинг.

Погода будто оплакивала Антона: свинцовое небо, поземка, тоскливый вой ветра. И психолог понимал: без тяжелых объяснений, к сожалению, обойтись не удастся.

Первой, как и вчера, явилась Ярослава. Она тоже попыталась соблюсти траур – облачилась в черную водолазку и темно-горчичные джинсы, но цели, по мнению Якова Анатольевича, не достигла: одежда сидит в обтяг, грудь выставлена вперед, попка обрисована, какие уж тут скорбные мысли... Одни глаза соответствуют ситуации: горестные, с красными ободками.

– Спасибо, что пришла, Ярослава, – тихо молвил психолог.

– Спасибо, что тренинг на после обеда перенесли, – слабо улыбнулась она. – Утром я бы не смогла, так тяжело было... Да и милиция налетела, объяснение пришлось писать...

– Сильно донимали... – Яков Анатольевич пощелкал пальцами, как бы подбирая слово, – местные копы?..

– Да нет, – вздохнула она. И невпопад добавила: – А у Антона, оказывается, невеста была... Они собирались на той неделе заявление подавать. – Она жалобно взглянула в глаза психологу: – Яков Анатольевич, ну зачем, зачем же он это сделал, вы мне можете объяснить?..

Ответ на этот вопрос психолог заготовил давно. И тон – отстраненный, в меру назидательный – тоже отрепетировал.

Яков Анатольевич подошел к пластиковой доске, взял маркер, нарисовал окружность, крупно вписал в нее «ТРИДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ». Объяснил:

– Видишь ли, Ярослава... Все человечество делится на три больших сегмента. Самый центральный, в нем тридцать процентов населения, – это абсолютно нормальные люди.

Он сделал паузу, уточнил:

– Ты, безусловно, относишься к этой трети.

«Сейчас она просияет».

Ярослава благодарно улыбнулась, а психолог продолжил:

– Следующий сектор – это те, чью психику можно назвать пограничной. Их – сорок процентов... – Он обвел первый круг вторым. – Ну, и оставшиеся тридцать процентов – это, как говорят в народе, конкретно ненормальные.

– Так много?! – ужаснулась Ярослава.

– Увы, – кивнул тот. – Психически больного ведь в отличие от других инвалидов за версту не видать.

– Кошмар, – поежилась собеседница.

– И вот ведь какая штука, – продолжал Яков Анатольевич. – Посмотри еще раз на картинку. – Он махнул в сторону трех вписанных друг в друга кругов. – Люди из первой окружности, из нормальных, к законченным психам попасть не могут ни в каком случае. Как, соответственно, и сумасшедшие – к здоровым. А вот пограничные могут мигрировать и туда, и сюда...

– А каким был Антон? – жадно поинтересовалась Ярослава.

– Антон, к моему глубокому сожалению, в тридцать процентов абсолютно здоровых не входил, – вздохнул психолог.

Ярослава слушала, затаив дыхание.

– Конечно, он не являлся сумасшедшим, – поспешил добавить Яков Анатольевич, – но его психика – да, она была не вполне адекватной. Антон ведь пережил тяжелое детство... сложную семейную ситуацию... и все это наложило на его поведение своего рода фатальный отпечаток... Вот – опять же, как говорят в народе, – нервы и не выдержали...

– То есть, – Ярослава, как деловая женщина, предпочла расставить все точки над «і», – его психика была пограничной, а вчера, после нашего тренинга, после того, как исповедоваться пришлось, у него крышу окончательно снесло?

– Можно полагать и так. Что пусковым механизмом его поступка стал именно наш тренинг, – безропотно согласился психолог. А потом пытливо взглянул на собеседницу: – Но с таким же успехом катализатором его сумасшествия могло

стать его внезапно вспыхнувшее чувство к вам. Вы ведь, кажется, весь вечер провели вместе?..

Ярослава отшатнулась, побледнела, забормотала:

- Да, вместе, но...

- Ах, боже мой, милочка, да бросьте вы оправдываться! - перебил Яков Анатольевич, ласково обнимая ее за плечи. - Вы - взрослый человек, и Антон - тоже взрослый...

- Был - взрослый, - припечатала Ярослава. - А сейчас его нет. Вообще нет. Нигде. - Она потерянно, жалко улыбнулась. - Я, как вы понимаете, совсем не девочка, а до сих пор привыкнуть не могу. Что человек жил, дышал, мечтал - и вдруг внезапно его не стало. Облако. Пыль. И не будет больше никогда...

«А ведь она переигрывает, - определил психолог. Безошибочно сказались десятилетия практики. - Совсем уж не так сильно переживает, как показывает. Интересно почему?»

Но расколоть Ярославу он не успел. За их спинами раздалось:

- Но это был его собственный выбор, правда?

Ярослава и Яков Анатольевич обернулись. Она - поспешно и нервно, он - спокойно и с достоинством.

На пороге стояла Александра. Как обычно, в нелепых широких джинсиках и мешковатом свитере - одежках дорогих, но до безумия ей не идущих. Зато щеки сегодня не бледные, как всегда, а разрумянены, и глаза блещут.

- Зачем ты так говоришь?.. - начала было Ярослава.

- Здравствуй, Сашенька, - дружелюбно поздоровался психолог. - Изумительно выглядишь.

Девушка расплылась в благодарной улыбке.

«Она и правда сегодня чудо как хороша. Несмотря на все свои веснушки и девчачью нескладность...»

– Действительно, Сашенька, ты такая симпатяшка... – нежно пропела Ярослава. И тут же разбавила медовый тон жестким: – Тебя, наверное, смерть возбуждает? Кровь, трупы?

Александра вспыхнула, закусил губу... впрочем, быстро нашлась:

– Ну, в плане трупов... Антон ведь, кажется, в твоей ванной комнате себе вены перерезал?..

– Брэйк, девочки, брэйк, – вмешался психолог. – Я понимаю, нам всем тяжело, но все-таки давайте держать себя в руках.

– Мне – не тяжело. Мне, наоборот, очень прекрасно, – упрямо повторила Саша.

– Во как... – буркнула Тося.

Она, под руку с Андреем Степановичем, как раз появилась на пороге.

– Да. Мне хорошо, и я этого не скрываю. – Александра с вызовом взглянула на пришедших.

– Ну, и ради бога, – равнодушно отвернулась от нее Тося.

Саша явно расстроилась, что ссоры не получается.

«А эта крошечная Тося – крепкий орешек, – мелькнуло у психолога. – Совсем не похожа на бывшую официантку. И Ярослава, которая обычно как на ладони, сегодня явно что-то скрывает...»

Но разбираться сейчас не время.

– Ну, вот и чудненько. Все в сборе, – заторопился психолог. – Давайте наконец начинать.

– Давайте, – буркнула Ярослава. – Только сразу предупреждаю: я сегодня ничего рассказывать не буду.

– А как же пограничная ситуация? Полное очищение? Катарсис? – ехидно обратилась к ней Александра. – Ты ведь ночью такое пережила... Мертвое тело в ванной, у меня бы от ужаса точно инфаркт случился! Неужели не хочешь об этом поговорить?..

– Слушай, заткнись, а? – ледяным тоном попросила Ярослава.

– Нет, – вновь вмешался Яков Анатольевич. – Затыкаться Александре совсем не надо. Мне кажется, – он внимательно взглянул на девушку, – сегодня как раз ее день. Поговоришь с нами, Сашенька?.. Расскажешь нам все?

– Расскажу, – охотно кивнула та.

Жестко улыбнулась. Обвела взглядом аудиторию. На Тосю с Ярославой посмотрела презрительно. На мужчин – скорее даже с ненавистью. И с вызовом.

Вышла в центр комнаты. Села в кресло. Откинула со лба прядь взмокших волос (хотя в аудитории совсем и не было жарко). Произнесла:

– Врать не буду: я боялась рассказывать о себе. И когда сюда ехала, думала над купюрами. Как рассказать – да не все. Чтоб, не дай бог, вы меня в обидчицы-гадины не записали... А сейчас решила: слушайте все. Все, как есть. Потому что с вами, так сказать, с сильным полом, – снова гневный взгляд в сторону мужчин, – по-хорошему просто нельзя.

Александра, кандидат наук и лауреат многочисленных конкурсов

Она очень старалась учиться, но все равно институт запомнился вечным кошмаром.

Александра всегда, даже после ночных посиделок с однокурсниками, спешила к первой паре. Занимала самое удобное, ближе к кафедре место. Добросовестно записывала за лектором и даже кивала, когда взгляд преподавателя

останавливался на ней. Казалось бы, примерной студентке и карты в руки. Ан нет.

После занятий, еще в метро, по дороге домой, она открывала свежезаписанные лекции и в ужасе осознавала, что ничего, почти ничего в них не понимает! Точнее, так: вот эта формула ясна и вот эта – понятна, но к чему они здесь? Зачем? И что доказывают?!

Папа, правда, утешал: «Я в институте тоже лекции чисто механически записывал. Не вникая. А потом уже разбирался». Но беда-то в том, что у нее и после лекций, в спокойной, домашней обстановке – и то разобраться не получалось. Приходилось сверяться с учебниками, заткнув гордость в карман, звонить однокурсникам или просить, чтоб помог, брата Артема.

Он, в отличие от легкомысленных однокурсниц, помогал ей всегда. И объяснял, не чета многим институтским преподам, легко и толково. Какое-то заветное слово, что ли, знал – только что была тетрадка с непонятными иероглифами, и вдруг, будто волшебной палочкой взмахнули, ряды бессмысленных формул обратились в стройную и логичную картину... «Почему так? – гадала Саша. – Преподов – не понимаю, зато брата – всегда. Учил бы меня только он...»

Но учить ее на постоянной основе Артему, конечно же, было не с руки – собственных дел хватало. Да и человеком он был дрянным, хоть и преподаватель от бога. Просто объяснить, а потом выслушать горячую благодарность сестры не умел. Обязательно нужно было оттянуться на ней во всю мощь отвратительного характера:

– Послушай, амеба, ты что – совсем тупая? Это ведь настолько элементарно! Даже высшей математикой не назовешь, так, школьная алгебра!..

– Тебе, может, и алгебра, а я никак понять не могу... – всхлипывала сестра.

– Так ты тогда лучше в текстильное ПТУ переводись! На швею – вот он, твой максимум. Ну а я, так и быть, швейную мастерскую тебе куплю. Будешь как Вера Павловна из «Что делать?».

Самое интересное, что ни мама с папой, ни сама Саша даже не сомневались: Артем действительно, если захочет, купит. Хоть мастерскую, хоть даже

фабрику. Потому что он уже курса с третьего научился зарабатывать совершенно несусветные по меркам их скромной семьи деньги.

Свою нишу Артем нашел легко.

Однажды однокурсник предложил ему:

– Хочешь подработать?

– А что надо? – скривился Артем.

К деньгам он, не чета другим студиям, был всегда равнодушен.

– Компьютерную программу написать. Для одной торговой компании.

Такая задачка Артему показалась интересной, и за работу он взялся. Интересно стало – получится или нет? Одно дело – поражать нестандартным мышлением институтских преподавателей, и совсем другое – угодить придирчивым бизнесменам. (Ну а для бизнесменов, особенно из небогатых фирмочек, нанимать бедных студентов обычное дело. На настоящих-то, дипломированных программистов денег не у всякой фирмы хватит.)

Артем программу написал и привел заказчика в неподдельный восторг. Ему полной горстью отсыпали денег – обычно-то, жаловались однокурсники, приходилось за жлобами-бизнюками чуть не неделями ходить – и пообещали: отныне он без работы не останется.

И не наврали: заказы посыпались один за другим. Потому как писал Артем свои программы с такой легкостью, вкладывал в работу столько таланта, что заказчики передавали его из рук в руки, словно драгоценную, тонкого фарфора вазу. Опять же, и для учебы польза – не надо специально с курсовиками париться. Описал в нем уже созданную и проданную программу – и готово дело. И денег в кармане шуршит немало, и преподы с обожанием смотрят. К тому же на полном серьезе именуют его «надеждой российского программирования».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кагал (по Далю) – собрание еврейских мирящих старейшин. В просторечии – шумная крикливая толпа.

Купить: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/pal-my-solnce-alyy-sneg

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)